

Р.И. Сефербеков

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ СОЛНЦА И ЛУНЫ В ВЕРОВАНИЯХ НАРОДОВ ДАГЕСТАНА

Заметное место в идеологических воззрениях древних дагестанцев занимали ранние формы религии – анимизм, магия, фетишизм, тотемизм, шаманизм и т.п. Вера в божества и демоны была важной составной частью их духовной культуры и в период первобытного общества с его культом природы во главе с Богиней-матерью, и в эпоху складывания раннеклассовых отношений с его пантеоном во главе с Богом-отцом. Надо отметить сравнительное многообразие и разветвленность мифологических персонажей, входивших в пантеон народностей Дагестана, – это персонифицируемые небесные светила и атмосферные явления, патроны охоты, ремесла, аграрные божества и т.д.

Наиболее древними богами народов Дагестана, как и у многих народов мира (См.: *Тайлор Э.Б., 1989. С. 131-132*), были олицетворяемые небесные светила – солнце и луна. В основе олицетворения небесных светил и атмосферных явлений лежит культ природы, т.е. восприятие природы как живого организма, который не только живет самостоятельной жизнью (аниматизм), но также одушевлен и наполнен различными духами (анимизм) (*Токарев С.А., 1991. С. 411; См. также: Штернберг Л.Я., 1936. С. 7*)

Символика солнца и луны в мировых мифологиях разнообразна и многогранна. Очень образную и обобщенную характеристику и интерпретацию символики солнца и луны в мифологиях народов мира приводит О.В.Вовк. Он пишет: «Символику Солнца, исключительно положительную, рассматривают обычно с двух точек зрения. Как источник тепла, Солнце символизирует *жизненную силу, божественную созидательную энергию, вечную молодость и страсть*, а в качестве источника света оно представляет *истину, знание и интеллект*.

Во многих традициях Солнце, почитавшееся как Владыка дня, олицетворяло божественное всевидящее око» (*Вовк О.В., 2005. С. 58*).

«В иконографии солнце выступает в виде золотого диска (иногда – с человеческим лицом); в виде диска с лучами и крыльями или полудиска с лучами. Солнце могли символизировать металлы – золото или бронза; цвета – желтый и красный; самоцветы – алмаз, топаз и рубин; животные – лев, баран, бык и оперенная змея; птицы – феникс, орел, сокол и петух; цветы – лотос, хризантема и подсолнечник; а также – звезда, спираль, кольцо, колесо, сердце, розетка, свастика» (*Вовк О.В., 2005. С. 60.*)

«Царица ночи, повелительница причудливых грез и романтических иллюзий, холодная серебряная Луна – один из самых важных природных символов, соединивших в себе как положительные, так и отрицательные значения. Луна символизировала *изобилие, возрождение, бессмертие, оккультную силу, интуицию, целомудрие*, но также и *непостоянство, изменчивость и ледяное безразличие*.

В мифологии луна предстает как всевидящее Божье око, внимательно наблюдающее за всем происходящим на земле во мраке ночи» (*Вовк О.В., 2005. С. 62*).

В мифологическом противопоставлении луна-солнце первый член чаще всего оказывается отрицательным, что связано с меньшей ролью божества луны по

сравнению с божеством солнца в развитых мифологиях (Иванов В.В., 1994. Т. 2. С. 79). На это указывал и Э.Б. Тайлор: «В большинстве случаев роль луны в религиях мира соответствует ее положению в природе. Она занимает место божества, подчиненного солнцу» (Тайлор Э.Б., 1989. С. 419).

Это противопоставление, присутствующее во всех мифологиях народов мира с глубокой древности, вероятно, положило начало всем семиотическим бинарным оппозициям. И.М. Дьяконов писал в связи с этим, что «вообще принцип дискретной бинарности пронизывает все мифологическое мышление, и это, по-видимому, заложено глубоко в физиологии мозга» (Дьяконов И.М., 1990. С. 134). По его мнению, «архаическое мышление бинарно, а не диалектично» (Дьяконов И.М., 1990. С. 134).

Приняв за базовые основания ориентацию в пространстве и по полу, Н.И. Толстой выделял следующие взаимосвязанные бинарные корреляции: правый – левый, живой – мертвый, мужской – женский, восточный – западный (См.: Толстой Н.И., 1987. С. 180, 181).

В.В. Иванов и В.Н. Топоров считали основными для древнеславянской (общеславянской) культурной традиции 16 парных противопоставлений (которые во многом совпадают с бинарными противопоставлениями, например, у туркмен, индейцев Америки и др.) (См.: Якушенков С.Н., 1988. С. 276-286; Эсенев Ч.Д., 1998. № 2. С. 62), образующих определенную систему и взаимосвязь: левый – правый, женский – мужской, младший – старший, нижний – верхний, западный – восточный, северный – южный, черный – красный (белый), смерть – жизнь, болезнь – здоровье, тьма – свет, луна – солнце, земля – небо, лес – дом, вода – огонь, вода – земля, нечет – чет, море – суша, зима – весна (См.: Иванов В.В., Топоров В.Н., 1974. С. 260-266).

Как отмечает А. Лушникова, «у индоиранцев север мыслился священным, имея максимально положительный статус, и определялся понятиями «верх», «родная сторона, расположенная сзади, в тылу». Юг, соотносимый с низом, миром мертвых, оценивался отрицательно. Можно также полагать, что наблюдение за видимым годичным движением Солнца обусловило распределение сакральной значимости севера и юга, левой и правой сторон, которое совпало с географическим расселением и линией распространения индоиранских племен (Лушникова А., 2002. С. 290).

Интересно отметить, что данные хеттских ритуалов также показывают на связь царя, царицы с двоичными признаками и символами, которая может быть суммирована и выражена в следующих противопоставлениях: правый – левый, мужской – женский, царь – царица, Бог Грозы – Богиня Солнца, Бог Неба – Богиня Земли, мирское – сакральное и т.д. (См.: Ардзинба В.Г., 1982. С. 148)

Следует подчеркнуть, что сакрализация солнца и юга была характерна и для северокавказских народов, что отложилось в нормах этикета. Например, старинные правила чеченского этикета делали человека, соотнесенного с солнцем, или югом, более значимым в ситуации общения. Так, необходимо было первым приветствовать человека, движущегося со стороны восхода солнца (Чеснов Я.В., 1994. № 5. С. 36).

Слова «солнце» и «луна» в дагестанских языках относятся к общесеверокавказскому лексическому фонду (См.: Хайдаков С.М., 1973. С. 95; Старостин С.А., 1995. С. 50, 54-55; Климов Г.А., Халилов М.Ш., 2003. С. 201, 208).

О почитании этих светил в Кавказской Албании, в состав которой входили и народы Дагестана, Страбон писал: «Албанцы поклоняются Солнцу, Луне, Зевсу, но особенно – Луне» (*История Агван Мойсея Каганкатваци, 1861. С. 356*).

Отголосками этого почитания являются дошедшие до нашего времени многочисленные клятвы, благопожелания, проклятия, сравнения и антропонимы, в которых присутствуют солнце и луна.

Практически у всех народов Дагестана сохранились клятвы солнцем и луной, что, несомненно, является отголоском язычества, т.к. в соответствии с канонами ислама клясться можно только именем Аллаха. Так, у аварцев-хунзахцев существовали клятвы: «Клянусь солнцем!» («Бакъал хIаги»), «Клянусь луной!» («МоцIал хIаги!»), «Клянусь этим солнцем (луной)!» («Гъадаб бакъал (моцIал) хIаги!»), «Аллаха солнцем (луной) клянусь!» («Аллагъасул бакъал (моцIал) хIаги!»), «Солнцем-луной клянусь!» («Бакъ-моцI хIаги!») (*Сефербеков Р.И., Шигабуудинов Д.М., 2006. С. 46*). Аварцы-койсубулинцы клялись также солнечными лучами («Бакъул нурал хIаги!») (*Сефербеков Р.И., 2003. № 3. С. 63*). Аварцы-гидатлинцы клялись следующим образом: «Да будет солнце (мне) запретным!» («Бакъ хIарамлъиги!»), «Да не коснется меня солнце!» («Бакъ дида чIвале къотIи батогиги!») (*Сефербеков Р.И., 2004. № 17. С. 69*). Клялись солнцем и луной и другие аварцы, например, ахвахцы (*См.: Лугуев С.А., 1985. Л. 82*).

Даргинцы-цудахарцы с. Куппа клялись ликом («Берла дяхIлера!») и лучами солнца («Берла нурлера!») (*См.: Омаров И.И., Сефербеков Р.И., 1997. С. 221*). Клятва солнцем бытовала и у даргинцев-сюргинцев (*См.: Курбанов М.-З.Ю., 2006. С. 168*).

До сих пор у лакцев бытуют клятвы: «Клянусь солнцем над нами!» («КIа ялувсса бургъин хъана!»), «Клянусь ликом луны!» («КIа зурул лажиндарайн хъана!») (*Халилов Х.М., 1984. С. 69*).

Клялись солнцем и луной и другие дагестанские народы: лезгины – «Клянусь солнцем!» («Ракъунал къин хъуй!»), «Клянусь луной!» («Вацрал къин хъуй!») (*Ризаханова М.Ш., 2005. С. 293*), табасаранцы – «Клянусь солнцем!» («Ригъ'инди ху апIурза!»), («Ригъдин гъякъниинди!»), «Клянусь луной!» («Вазлиинди ху апIурза!») (*Алимова Б.М., 1987. С. 25; 1992. С. 229*), «Пусть меня поразят солнце и луна!» («Ригъар-вазари узуз йиври!»), «Пусть не светят мне более солнце и луна!» («Ригъна ваз гъалум ишризуз!») (*Сефербеков Р.И., 2000. С. 7*).

У кумыков сохранились клятвы: «Гюнню ярыгъы гъакъына!» («Клянусь светом солнца!») и благопожелания: «Гюн иржайсын ата юртунга!» («Пусть солнце улыбнется на отцовский дом!»), связанные с солнцем (*См.: Халипаева И.А., 1994. С. 22*). Клялись солнцем и луной ногойцы (*См.: Гимбатова М.Б., 2005. С. 105*) и другие народы Дагестана (*См.: Булатова А.Г., 1999. С. 15*).

Наряду со сравнениями, клятвами и благопожеланиями, у дагестанцев сохранились и проклятия, связанные с солнцем и луной. Например, аварцы-хунзахцы проклинали следующим образом: «Чтоб ты не увидел солнце, луну!» («Бакъ-моцI бихъугеги»), «Чтоб тебя не коснулись лучи солнца!» («Бакъул канлъи чIвагеги!») (*Сефербеков Р.И., Шигабуудинов Д.М., 2006. С. 46*). Даргинцы-цудахарцы желали ненавистному человеку, чтобы тот попал под черное солнце («ЦIутгар берлигу рик!») и чтобы его дом не освещало солнце («Хъули бери мабухъ!») (*Омаров И.И., Сефербеков Р.И., 1997. С. 229, 231*). Схожие проклятия имелись и у лезгин: «Пусть покарает тебя солнце!» («Ваз рагъ къалим хъуй!»), «Пусть покарает тебя луна!» («Варз къалим хъуй!») (*Ризаханова М.Ш., 2005. С. 293*).

С солнцем и луной сравнивали девушек и юношей.

Аварцы сравнивали девичью красу с солнцем и луной, а парня – с луной: «Солнцу-луне подобная девушка!» («Бакъ-моцІ гАдинай яс»), «Как солнце красивая» («Бакъ гАн берцинай»), «Лунолика» («Шагъри моцІ гАдай»), «Подобная слившимся солнцу и луне девушка» («Бакъ-моцІ дандельарай гАдинай яс»), «Солнцеподобная девушка, луноподобный парень» («Бакъ гАдинай яс, моцІ гАдинав вас») (См.: Сефербеков Р.И., 2004. № 17. С. 69; Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. № 19. С. 103; Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.Ш., 2006. С. 46-47). Такие же сравнения с солнцем бытовали и у лезгин: «Девушка, подобная Солнцу» («Рагъ хьтин руш»), «Солнцеподобный человек» («Рагъ хьтин кас») (Бадалов Ф.А., 2006. С. 119).

Аналогичные сравнения девушек с солнцем («Гюн кимик ишиг вереду» - «Солнцеподобная»), а парней – с луной, имелись и у дагестанских азербайджанцев (См.: Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96).

Различные стереотипные выражения, сравнения, благопожелания, связанные с культом солнца и луны, бытовали и у других северокавказских народов. Например, у абхазов так же красивую девушку сравнивали с солнцем и луной: «Светит как солнце, сияет как луна». Имеется традиционное абхазское благопожелание молодым супругам: «Подобно солнцу и луне, чтоб вы вместе дожили до старости!» (Зухба С.Л., 1995. С. 46).

К солнцу абхаз обращался и с мольбой: «Даруй девицам красоту, выразительность, изящество». В молитвенном обращении к луне он выражал пожелание, чтобы мальчики уподобились ее блеску (Джанашвили М., 1892. С. 47).

У ногойцев и дагестанских азербайджанцев имеются антропонимы, в которых присутствуют названия светил: Айгуль (Лунный цветок), Алтынай (Золотой месяц), Толганай (Полная луна), Айбике (Лунная госпожа), Къунбийке (Солнечная госпожа) (Гимбатова М.Б., 2005. С. 105), Айгюн (Луна-Солнце), Гюнай (Солнце-Луна), Айбала (Дитя луны), Айханум (Госпожа луны) (Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96).

Аналогичные антропонимы существовали и у абхазо-адыгских народов. В связи с этим известный абхазский фольклорист С.Л. Зухба пишет: «Реминисценции почтительного отношения к светилам сохранились и в том, что по настоящее время широкой популярностью пользуются девичьи собственные имена, связанные с названием солнца и луны: Амра (солнце), Амза (луна). Интересно и то, что иногда названия обоих светил объединяются в одном имени – Мрамза (Солнцелуна)» (Зухба С.Л., 1995. С. 48).

У генетически родственных с абхазами кабардинцев ряд фамилий также был связан с культом луны. Характерны в этом отношении фамилии Байдаевы («Это луна»), Беккаевы («Крепкая луна»), Айшаевы («Лунообразный»), Аппаевы («Белая луна»), Шутаевы («Черная луна») (Мусукаев А.И., 1992. С. 64.).

Уже начиная с палеолита у всех народов мира были распространены астральные (и в первую очередь солярные и лунарные) мифы, где главными действующими лицами являлись находящиеся в тех или иных отношениях (кровнородственные в одном или разных поколениях, либо как супружеские) солнце и луна, которые в различных мифологических системах воплощали и мужское, и женское начало (См.: Иванов В.В., 1994. Т. 2. С. 461.).

Солнце и луна в мифологиях народов Дагестана, Северного Кавказа и мира персонифицируются в антропоморфном облике по признакам пола, степени родства и свойства. В этой связи Э.Б. Тайлор писал: «В первобытной философии всего мира солнце и луна одарены жизнью и по природе своей принадлежат как бы к

существам человеческим. Обыкновенно противопологаемые друг другу как мужчина и женщина, они, однако, различаются относительно пола, приписываемого тому или другому, так же как и в своих отношениях между собой» (Тайлор Э.Б., 1989. С. 131).

В мифологии большинства народов Земли солнце выступает символом *мужского начала*, а луна – женского. Представления о небесной чете, в которой солнце играет роль мужа, а луна – жены, характерны для многих народов, стоящих на низших ступенях общественного развития.

В большинстве традиций луна, ответственная за менструальный цикл женщины и являющаяся поэтому символом *женского начала*, выступает в роли жены солнца. Однако у некоторых народов (японцев, жителей Океании, отдельных племен Африки и Северной Америки) луна, напротив, наделяется мужским обликом, а солнце – женским (Вовк О.В., 2005. С. 63).

В религии древних народов божества луны, выступавшие как в женском (греческие Селена и Артемида, римская Диана и т.д.), так и в мужском обличье (египетские Тот и Хонсу, вавилонский Син, полинезийский Ронго и пр.), занимали значительное место в пантеоне (Вовк О.В., 2005. С. 64-65.).

В соответствии с мифологическими представлениями аварцев-гидатлинцев и андалальцев, солнце – девушка, луна – юноша (См.: Сефербеков Р.И., 2004. № 17. С. 69; Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. № 19. С. 103). У аварцев-тляратинцев солнце – брат, луна – сестра (См.: Халидова М.Р., 2004. С. 21).

Аварцы считали, что у солнца имеется мать – «Бакьул эбел» («Мать солнца»), называя ее также бабушка, старая («Кюдо»). Аварцы-чародинцы с. Гочоб называли «Мать солнца» *Мани* (Халидова М.Р., 1988. С. 25). Так же называли ее и даргинцы-харбукцы. «Отца солнца» они называли «БархIе ттуттеш» (Юсупов Х.А., Муталимов М.А., 1997. С. 148, 228). Представления об «Отце солнца» («Берла ттутташ») и «Матери солнца» («Берла неш») имелись и у даргинцев-цудахарцев.

Интересно отметить в этой связи, что слово «мани» по-табасарански означает «тепло» (См.: Русско-табасаранский словарь, 1988. С. 388). По мнению М.Р. Халидовой, вполне возможно, что это имя – «отзвук сохранившегося языческого наименования божества солнца» (Халидова М.Р., 1988. С. 33.).

По верованиям даргинцев-акушинцев, «солнце – мать, луна – дочь, которые якобы встречаются один раз в году» (Халидова М.Р., 1992. С. 79). Когда дети очень редко навещали родителей, акушинцы говорили: «Как Луна-дочь навещает Солнце-мать» (Халидова М.Р., 1992. С. 95). У даргинцев-сюргинцев бытовало выражение: «Лицо матери – лик солнца, лицо отца – лик луны» («Абала дахI берхIила дяхI, атала дяхI – бацла дяхI») (Курбанов М.-З.Ю., 2006. С. 168). В связи с этим следует отметить, что в большинстве мировых традиций Солнце – всеобщий Отец, а Луна – Мать (Купер Дж., 1995. С. 310).

По мнению даргинцев-мюрегинцев, луна – мальчик, солнце – девушка, «эти светила суть родные брат и сестра» (Ханагов Л., 1892. Вып. 13. С. 152.).

В мифологии лакцев божеством, персонификацией солнца был Барг, который имел облик прекрасного юноши, излучающего ослепительный свет (Халилов Х.М., 1994. Т. 1. С. 162). Божеством, персонификацией луны была Барз, имевшая облик прекрасной девушки (Халилов Х.М., 1994. Т. 1. С. 163). Главное же место в пантеоне лакцев «занимало солнце, которое воображали они себе в виде прекрасного юноши, озаряющего и согревающего весь дивный мир» (Габиев С., 1906. Вып. 36. С. 12).

По данным Р.З. Ризванова, богом солнца у лезгин был Атар, а богиней луны – Мен (См.: Ризванов Р.З., 1984. № 5. С. 99, 101). По сведениям З. Ризванова и Р. Ризванова, луна у лезгин имеет два названия – Варз и Мен. Солнце также имеет два названия – Рагъ и Атар. Атар – бог солнца был супругом Мен – богини луны (См.: Ризванов З., Ризванов Р., 1990. С. 36). По другим сведениям, солнце – сестра, а луна – брат (См.: Гаджиев Г.А., 1977. С. 120; Бадалов Ф.А., 2000. С. 112; Он же., 2006. С. 143-144; Ризаханова М.Ш., 2005. С. 293).

На основании мифов, записанных в разных табасаранских селениях, луна произошла от солнца, это сын и мать (с. Межгюль), солнце – девушка, луна – юноша, это сестра и брат (с. Татиль), солнце – мать, луна – сын, сестра и брат (с. Чувек), солнце – девушка, луна – юноша, друг за дружкой гоняются (с. Верхний Ярак) (Сефербеков Р.И., 2000. С. 7). В большинстве же сел считали, что солнце – сестра, а луна – брат (См.: Алимova Б.М., 1992. С. 73). Так же считали и рутульцы (См.: Мусаев Г.М.-С., 1997. С. 237).

В соответствии с мифологическими представлениями кумыков, «когда-то, в далекие времена, луна и солнце были молодыми, влюбленными людьми. Солнце было красивой девушкой, а луна – юношей» (Гаджиева С.Ш., 1961. С. 329).

Следует отметить, что в тех случаях, когда пол солнца в мифологиях народов Дагестана определен как женский, то, как правило, – это девушка. На это обратил внимание и А. Голан. Он пишет: «Женский образ солнца – это именно девушка, а не женщина. Она всегда представлена в образе невесты или дочери, но не матроны. В качестве матери же солнца выступает богиня неба» (Голан А., 1994. С. 41).

Тем не менее И.А. Халипаевой приводится кумыкское предание о том, что, по поверьям, солнце представляло собой «женщину ослепительной красоты, а месяц – красивого мужчину» (Халипаева И.А., 1994. С. 19). Такое же поверье («Месяц – мужчина, а солнце – женщина») (Джанашиа Н.С., 1960. С. 29) существовало и у абхазов. В кумыкском предании «Месть Солнца» солнце является женой (вариант: невестой, возлюбленной) луны (Халипаева И.А., 1994. С. 19). В фольклоре карачаевцев и балкарцев солнце и луна также муж и жена (См.: Дебет златоликий..., 1973. С. 24).

У ногайцев солнце называлось то сестрой луны, то ее братом. Луна же считалась небесной сестрой солнца (См.: Ярлыкапов А.А., 1999. Л. 48, 49).

Олицетворяли небесные светила и дагестанские азербайджанцы. На основании мифов, записанных в разных селах, солнце – брат, луна – сестра (с. Арак), солнце – сестра, луна – брат (с. Цанак), это брат и сестра (сс. Зиль, Дарваг), солнце – девушка, луна – юноша (сс. Дарваг, Зиль, Ерсин), солнце – юноша, луна – девушка (с. Зиль), друг за дружкой гоняются (сс. Дарваг, Зиль) (Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96).

Антропоморфизация луны и солнца существовала и у других народов Дагестана, в соответствии с которой «Солнце мыслилось девушкой, сестрой, Луна – юношей, братом» (Булатова А.Г., 1999. С. 14).

Персонафикация солнца и луны по признакам пола и родства была свойственна и родственникам дагестанцам вайнахам и адыгам. В мифах чеченцев и ингушей солнце и луна являются братьями, иногда же солнце выступает как брат, а луна – его сестра (См.: Далгат У.Б., 1972. С. 257-258). Адыги также признавали солнце братом, а луну сестрой. Интересен вариант адыгского мифа, в котором солнце и луна выступают братьями, где солнце – старший брат (См.: Шортанов А.Т., 1982. С. 30, 31).

Пол солнца и луны определялся и в опосредствованной форме. Существовали приметы, основанные на сновидениях. Так, у аварцев-хунзахцев, аварцев-андалальцев, табасаранцев имелась примета: если беременной во сне приснится солнце, значит, родится девочка, а если (новая) луна – мальчик (*Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.Ш., 2006. С. 47; Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. № 19. С. 103; Сефербеков Р.И., 2000. С. 27*). У аварцев-гидатлинцев эта примета сохранилась с инверсией пола: если приснится солнце – родится сын, а если луна – дочь (с. Гента); если приснится солнце – к переменам (например, к смене власти), а если луна – к добру, мечты сбудутся (с. Тидиб); если во сне приснится солнце или луна – к добру (с. Мачада) (*Сефербеков Р.И., 2004. № 17. С. 70*).

Интересное поверье в этой связи существовало у даргинцев-акушинцев: «Если девушка будет смотреть на луну, она забеременеет» (*Исмаилов Г.И., 2005. С. 53*). Это поверье довольно прозрачно определяло пол луны (юноша, мужчина) в космогонических представлениях акушинцев.

Что касается примет, основанных на сновидениях, то, по мнению А.Н. Афанасьева, сновидения – «это та же примета, только усмотренная не наяву, а во сне; метафорический язык загадок, примет и сновидений один и тот же» (*Афанасьев А.Н., 1988. С. 69*) (согласно З. Фрейду, «сновидения – это способ реагирования души на действующие во сне раздражители» (*Фрейд З., 1997. С. 82*); «сновидение является не соматическим, а психическим феноменом» (*Фрейд З., 1997. С. 93*).

Пол и степень родства и свойства солнца и луны определялись и через детские игры – редукция былых взрослых обрядов. Так, например, у агульцев бытовала детская игра – инсценировка выдачи замуж солнца за луну. Свадебный обряд представлялся в персонифицированном облике: обряженная в желтые одеяния кукла-девочка Беркинцай символизировала солнце, а кукла-мальчик Шахбан, одетый в черную черкеску, – дождь и черные тучи (*Абакарова Ф.З., 1984. С. 125*).

Помимо того, что из содержания игры определяется пол солнца и луны, примечательно, что они представлены в виде кукол, которые могут являться персонификациями божеств – солнца, а также луны и дождя («Боги-громовержцы не существуют без богов солнца») (*Дюмезиль Ж., 1976. С. 68*). Игра, на наш взгляд, также донесла до нас агульское языческое наименование божества солнца (*Беркинцай*) и ее цветовую символику (желтый цвет одеяний куклы – цвет солнца) как, впрочем, и цветовую символику (черную) божества луны и дождя.

Аналогичная по смыслу детская игра существовала у лакцев-кулинцев. Она заключалась в следующем: девочки составляли круг, внутри которого сажали «Солнце-невесту». Мальчики требовали выдачи солнца замуж. Завязывалась борьба, и девочка высвобождалась из круга, символизируя освобождение солнца из туч (*Халилов Х.М., 2004. С. 27*).

Интересно отметить, что солнце здесь фигурирует в женском облике вопреки распространенному у лакцев представлению о солнце «в виде прекрасного юноши, озаряющего и согревающего весь дивный мир» (*Габиев С., 1906. Вып. 36. С. 12*).

У лезгин «игра, связанная с луной, называется «Рагъни варз». Ее участники разыгрывают древние мифы о луне, обреченной на вечные поиски солнца. Судя по песне-молитве, Мен – невеста Атара – бога Солнца, но в игре «Рагъни варз» луна является мужем солнца» (*См.: Ризванов З., Ризванов Р., 1990. С. 36*). «В другой игре луна является братом солнца. Обидевшись на сестру, он убегает из дому, а сестра, раскаявшись, устремляется вслед за ним, желая вымолить у него прощение» (*Ризванов З., Ризванов Р., 1990. С. 36*). Помимо игр культ луны у лезгин со-

хранился и в различных театрализованных представлениях. Одним из таких древнейших представлений является «Вацракъар» или «Вацран йикъар» (букв. «Дни луны») (*Ризванов З., Ризванов Р., 1990. С. 33*).

Таким образом, исходя из содержания мифов, лексики и фразеологии, примет, основанных на сновидениях, и детских игр дагестанских и северокавказских народов пол, возраст, степень родства и свойства (с инверсией) у солнца и луны выглядят соответственно следующим образом: девочка-мальчик (аварцы-хунзахцы, аварцы-андалальцы, табасаранцы, агульцы), мальчик-девочка (аварцы-гидатлинцы), девушка-мальчик (даргинцы-мюрегинцы), девушка-юноша (гидатлинцы, андалальцы, табасаранцы, кумыки, дагестанские азербайджанцы), юноша-девочка (лакцы, дагестанские азербайджанцы), женщина-мужчина (кумыки, абхазы), брат-сестра (аварцы-тлярятинцы, ногайцы, дагестанские азербайджанцы, чеченцы и ингуши, адыги), сестра-брат (лезгины, табасаранцы, рутульцы, дагестанские азербайджанцы), сестра-сестра (ногайцы), брат-брат (чеченцы и ингуши), старший брат-брат (адыги), мать-дочь (даргинцы-акушинцы), мать-сын (табасаранцы), мать-отец (даргинцы-сюргинцы), невеста-жених (лакцы-кулинцы, агульцы, кумыки), жених-невеста (лезгины), жена-муж (лезгины, кумыки), муж-жена (лезгины, карачаевцы и балкарцы).

Обращает на себя внимание инверсия полов и ролей в родстве и свойстве в некоторых случаях в мифологии одного и того же этноса. Это отмечал и Дж. Купер. Он, например, указывал, что «в символике славян Солнце и Луна могут меняться полами» (*Купер Дж., 1995. С. 314*).

Если не считать лакских божеств, персонификаций солнца (*Барз*) и луны (*Барз*), лезгинских бога солнца (*Атар, Рагъ*) и богини луны (*Мен, Варз*), а также возможную персонификацию божества солнца (*Беркинцай*) у агульцев, большинство дошедших до нашего времени олицетворений солнца и луны представлены в антропоморфизированном виде.

Давая определения основным понятиям религии, Р.М. Айдинян писал: «Персонификация – это процесс и результат превращения вербализованных ощущений, представлений и понятий в сущности самостоятельным бытием в объективном мире» (*Айдинян Р.М., 1988. С. 161*).

В каком отношении персонификации уступают в ранге «обычному» божеству? «Персонификации не обладают ярко выраженной мифологической индивидуальностью, которая могла бы разворачиваться в нарративные сюжеты» (*Ковалева И.И., 2007. № 1. С. 128*).

Противопоставление солнцу - луна воплотилось в мифологическом мотиве брачных отношений Солнца и Месяца (*Иванов В.В., Топоров В.Н., 1994. Т. 2. С. 452*), которые иногда выражены в форме потенциального инцеста. Так, «в соответствии с мифом, записанным у табасаранцев с. Лака, солнце – сестра, луна – брат. Брат был влюблен в сестру. Она полюбила другого и убежала из дома, когда брат спал. Проснувшись ночью, он стал искать ее, но не нашел. С тех пор солнце стало выходить днем, когда брат ее спит. В этом же селе записан и другой миф с инверсией пола светил: солнце – брат, луна – сестра, брат влюблен в сестру и помогает ее. Та убегает и прячется от него днем, а выходит ночью, когда брат спит» (*Сефербеков Р.И., 2000. С. 7*).

Мотив инцеста присутствует и в рутульском предании о том, как сестра, обидевшись на домогательства брата, ударила его половником и убежала, превратившись в солнце. Брат становится луной и пытается догнать сестру – солнце (*Ха-*

лидова М.Р., 1992. С. 21; Халилов Х.М., 1994. Т. 1. С. 163). Аналогичный миф бытовал и у дагестанских азербайджанцев: «Солнце и луна – это влюбленные друг в друга брат и сестра, которые никак не могут встретиться» (с. Дарваг) (*Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96*).

Помимо сюжета о несостоявшемся инцесте и определения пола солнца и луны, эти мифы повествуют также о порядке пребывания светил на небе и о причинах появления пятен на лице луны.

Аналогичный дагестанский сюжет записан У.Б. Далгат у чеченцев и ингушей. В частности, в мифе «Как произошли Солнце, Луна и звезды» повествуется о юноше-кузнеце, который решил посвататься к девушке, жившей в большой башне. Юноша не знал, что эта девушка была его сестрой, но она знала и не могла сказать.

Юноша раскалил золотую палицу и темной ночью пошел к девушке. Увидя его и боясь встречи с братом, девушка бросилась бежать. Он побежал за ней, но никак не мог ее догнать. Они так бежали, пока не умерли.

Юноша превратился в солнце, девушка в луну. Говорят, что и поныне он стремится догнать ее, пробегая круг за кругом (*Далгат У.Б., 1972. С. 257-258*).

Сказания о нартах донесли до нас сюжет о женитьбе нарта Урызмага на своей сестре Сатане (*См.: Шанаев Д., 1871. Вып. 5. С. 15-16*).

Мотив инцеста между братом-месяцем и сестрой-солнцем зафиксирован и в мифологии эскимосов (*См.: Харузин Н., 1905. Вып. IV. С. 159*).

Инцест богов, инцестуозные браки с сестрой у древних фараонов, инков в Перу (*Фрейд З., 1997. С. 336*) достаточно хорошо описаны в психологии и этнографической литературе. О них писал и известный этнолог Э.Б. Тайлор: «У племени мбокоби в Южной Америке луна играет роль мужа, а солнце – его жены. В мифологии алгонкинов солнце, наоборот, выступает как муж, а луна как жена... У индейцев оттава Солнце и Луна описываются как брат и сестра. У египтян Озирис и Изида были в то же время солнцем и луной, братом и сестрой, мужем и женой. То же было и у перуанцев с солнцем и луной. Браки инков между братьями и сестрами находили, таким образом, свой смысл и оправдание в самой религии» (*Тайлор Э.Б., 1989. С. 131-132*).

В японской мифологии богиня солнца Аматаэрасу – «Небесное сияние» и бог луны рождаются от кровосмесительного союза пары божеств – брата Идзанаги и его жены-сестры Идзанами (*См.: Дейл Сондерс Э., 1977. С. 411, 414*).

Достаточно хорошо изучены славянские баллады об инцесте (*См.: Путилов Б.Н., 1964; Пронн В.Я., 1976. С. 262; Нешина А.Ю., 2004. Т. 32. С. 181-192*).

Объясняя феномен инцестного сюжета, нарушения табу, Г.А. Левинтон пишет: «Во времени мифическом совершаются межродственные браки, которые не являются нарушением норм: это прежде всего – браки первопредков, представляющих собой единственную пару на земле., так что происхождение богов и (или) людей зависит от их по необходимости кровосмесительного союза – сакрального инцеста...» (*Левинтон Г.А., 1994. Т. 1. С. 545*).

По мнению авторов монографии «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири», «в основе архетипического инцеста, возможно, лежит представление, что родиться можно лишь от подобного себе, родного, но не от чужого», и что «мотив инцестуального брака брата и сестры теснейшим образом связан с представлениями о брате и сестре близнецах» (*Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С., 1989. С. 42*).

Наиболее архаической формой солярных мифов представляются близнецные мифы, в которых солнце и луна образуют пару связанных и вместе с тем противопоставленных друг другу культурных героев (часто братьев), один из которых подчинен другому (*Иванов В.В., 1994. Т.2. С. 461*).

На связь близнецного культа с встречающимися в фольклоре народов Дагестана космогоническими представлениями о превращении сестры в солнце, а брата в луну указывает М.Р. Халидова (*См.: Халидова М.Р., 2004. С. 21*).

Таким образом, можно констатировать, что связанные в том числе и с близнецным культом инцестуальные сюжеты о потенциальных брачных отношениях сестры-солнца и брата-луны (с инверсией пола) в мифологических представлениях народов Дагестана имеют аналогии и параллели с подобными мотивами у других народов мира.

Следует подчеркнуть, что в религиозных представлениях дагестанцев, родственных им вайнахов, а также восточных славян и др. существовала вера в «ночное светило», освещающее в потустороннем мире мертвых. Так, например, в соответствии с космогоническими представлениями аварцев-хунзахцев, «солнце совершает полный круг и после захода, под землей» (*Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.Ш., 2006. С. 47*). Такое же поверье существовало у дагестанских азербайджанцев (*Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96*). Лезгины иногда называют луну («варз») Ночным солнцем («Йифен рагъ»), так как она заменяет солнце на небосводе ночью (*Бадалов Ф.А., 2006. С. 138*). Аналогичные верования бытовали у чеченцев и ингушей. В частности, Ч. Ахриев писал об этом следующее: «Ангел водит солнце по небу; днем оно освещает людей, а ночью мертвых» (*Ахриев Ч., 1875. Вып. 8. С. 11*). По сведениям Б.К. Далгат, Солнце, «как источник жизни является светилем живых, тогда как Луна – светило мертвых» (*Далгат Б.К., 2004. С. 61; см. также: Ильясов Л., 2004. С. 221*).

Вообще сама идея «ночного светила», свойственная и северокавказским народам, зарождается, по мнению Б.А. Рыбакова, на рубеже энеолита и бронзового века (культура шаровых амфор, фатьяновская культура), она воплощается в изображении солярных знаков на дне сосудов, входящих в состав погребального инвентаря. Эти солярные знаки – символы подземного светила, освещающего мир мертвых (*Рыбаков Б.А., 2002. С. 223*). Представления о подземном солнце фиксируются и на пермских средневековых бронзовых шаманских бляшках и в изображениях северно-русских прялок XIX в. (*Рыбаков Б.А., 2002. С. 225, 228*) В них «оказывается воплощенной идея, хорошо знакомая по фольклорным текстам: чудовище (волкодлак, волк, змей, ящер) пожирает солнце, а потом вновь изрыгает его, будучи побежденное светлой силой» (*Рыблов М.А., 2007. № 2. С. 102*). В соответствии с гипотезой М.А. Рыблова, «именно так соотносились воины -волки и воины-соколы в древнерусской традиции» (*Рыблов М.А., 2007. № 2. С. 102*).

Следует отметить, что солярные и лунарные знаки и символы встречаются и в дагестанском погребальном инвентаре и надмогильных памятниках, о чем будет сказано ниже.

Таким образом, можно отметить определенное сходство мифологических представлений, касающихся сюжета «ночное светило» у северокавказцев, восточных славян и других народов.

Целый ряд этиологических мифов, легенд, преданий и сказок у народов Дагестана и Северного Кавказа посвящен объяснению происхождения пятен на лике луны и причинам, почему солнце светит ярко, а луна тускло.

«В соответствии с космогоническими представлениями аварцев-хунзахцев, солнце первично, а луна вторична, солнце ярче, оно затмевает луну. Солнце будто бы говорит: «Попробуйте-ка посмотреть на меня», а луна говорит: «Пусть мною любуются дети Адама». Пятна на луне оттого, что в полнолуние, чтобы ее не сглазили, ее ударили куском перепачканной овчины, которой белят стены (с. Гортколо)» (Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.Ш., 2006. С. 47).

Сходные мотивы имеются и в мифах аварцев-андалальцев. Приведем некоторые из них. «Солнце и луна подрались. Солнце кинуло в луну кусок глины, отсюда и пятна (с. Ругуджа). Солнце кинуло в луну глину в споре: кто из них красивее? (с. Шулани). В с. Кудали имелся иной вариант, объясняющий пятна на луне. Луна будто бы сказала солнцу: «Сколько людей хочет посмотреть на тебя, но ты не позволяешь им это сделать, ослепляя их, бесстыжая». В ответ рассерженное солнце кинуло в луну глину, из-за чего образовались пятна» (Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. № 19. С. 104).

Предание о конфликте между солнцем-братом, освещающим землю днем, и лунной-сестрой, появляющейся в ночное время, записано М.Р. Халидовой у аварцев-тляратинцев. Причиной конфликта стал «спор – кому когда освещать землю. Солнце-брат заявляет, что он будет озарять землю только днем. Луна-сестра также пожелала светить днем, солнце-брат, разозлившись на луну-сестру, схватил с земли грязь и бросил в нее. Поэтому, говорят, луна светит тускло. Обиженная луна-сестра убежала от солнца-брата. Тот и по сей день якобы ищет ее» (Халидова М.Р., 2004. С. 21-22).

Аналогичный мотив присутствует и в мифе даргинцев-цудахарцев: «Как-то раз в полнолуние между луной и солнцем возник спор о том, кто из них красивее. В пылу спора солнце бросило в луну ком земли, отчего она покрылась пятнами и потускнела» (Омаров Ш.И., 2007. Л. 168). Такой же миф бытует у даргинцев-урахинцев, у которых, правда, в луну бросают грязью (Любезное сообщение гл. научного сотрудника Института ИАЭ ДНЦ РАН, д.и.н. Б.Г. Алиева).

У лакцев также существовали разные мифы, легенды и предания, объясняющие пятна на луне. В соответствии с содержанием одного из мифов, «луна и солнце были влюблены друг в друга. Но луна стала хвастаться тем, что она красивее солнца и на нее смотрят больше, чем на него. Тогда солнце бросило на лик луны комья несмываемой грязи, отсюда – пятна. Обидевшись, луна убежала от солнца, которое поняло свою вину и тщетно пытается догнать луну» (Халилов Х.М., 1994. Т. 1. С. 163).

По одной из легенд лакцев, «когда-то Луна и Солнце затеяли спор, кто из них светит ярче и потому должен быть на небе днем. Во время спора, перешедшего в драку, Солнце кинуло в Луну грязь, и на ней появились темные пятна, а Луна бросила в Солнце горсть иголок, из которых возникли солнечные лучи» (Булатова А.Г., 1999. С. 13).

В лакском предании «О Солнце и Луне» солнце представлено в виде красивого юноши. От его блеска слепнут глаза. Луна – красивая круглолицая девушка. Они любят друг друга. Но однажды луна, приревновав солнце к людям, сказала: «Ты ослепляешь их, и они тебя не видят. Ты им видишься в облаках и очень блекло. Я красивая, и поэтому на меня глядят все». Солнцу стало от дерзких слов луны очень обидно, и оно, схватив грязь, бросило на луну. И на ней остались несмываемые пятна. До сих пор луна убегает от солнца: появится солнце – исчезает луна» (Халидова М.Р., 1981. С. 28-29).

У лезгин сохранилось множество мифов и преданий, объясняющих пятна на луне. Луну они считали братом солнца, «а пятна на ней – пощечиной, полученной ею от сестры - солнца» (*Гаджиев Г.А., 1977. С. 120*). Имелся и несколько иной вариант объяснения причин о пятнах на луне. «Однажды, когда сестра-солнце мазала куском овчины глиняный пол, брат-луна вступил с ней в спор о том, кому из них в какое время суток восходить над землей. Брат-луна считал, что сестре - солнцу лучше выходить в ночное время во избежание нескромных взглядов людей, а ему – мужчине – лучше днем. Сестра ответила, что это ее не пугает, так как тем, кто на нее посмотрит, она вонзит в глаза огненные иглы. В гневе на то, что брат не соглашается с ней, она так ударила его по лицу мокрым куском овчины, что оставила на лице луны- брата несмываемые пятна» (*Ризаханова М.Ш., 2005. С. 293*). Сохранились и другие подобные мифы (*См.: Бадалов Ф.А., 2000. С. 112; Он же., 2006. С. 143-144, 292; См. также: Булатова А.Г., 1999. С. 14*).

Также многообразны мифы табасаранцев. В соответствии с их содержанием, «в незапамятные времена была битва между космическими богами, а пятна на луне – это раны, полученные ею в битве (с. Лака). Луна хвасталась тем, что она красивее солнца, а оно в сердцах ударило луну куском овчины, которым белят стены (сс. Хив, Межгюль). При побелке стен солнце попросило воды, а луна не подала, за что возмущенное солнце ударило по лицу луны куском овчины (сс. Ляхля, Верхний Ярак). Раньше солнце и луна светили одинаково ярко. Архангел Джабраил ударил крылом луну, отчего на ней появились пятна, она стала светить более тускло и появляться только в ночное время (с. Татиль)» (*Сефербеков Р.И., 2000. С. 7*). Схожий миф записан у табасаранцев и Б.М. Алимовой (*См.: Алимова Б.М., 1987. С. 25*).

«Агулы появление пятен на луне объясняли тем, что когда-то мачеха бросила в неродного сына – Луну тряпку, которой мыла посуду» (*Булатова А.Г., 1999. С. 14*).

У рутулов было свое объяснение: «Когда распределяли кому в какое время освещать землю, брат захотел днем, тогда сестра плюнула, отчего остались пятна на луне» (*Мусаев Г.М.-С., 1997. С. 237*). В другом рутульском предании повествуется о том, как сестра, обидевшись на домогательства брата, «ударила его половником и убежала, превратившись в Солнце. Брат становится Луной и пытается догнать сестру-Солнце. С тех пор якобы от удара половником на Луне образовались пятна» (*Халидова М.Р., 1992. С. 21*).

Относительно пятен на луне у кумыков сохранилась легенда о луне и солнце, которые «были молодыми, влюбленными людьми. Солнце было красивой девушкой, а луна – юношей. Они были сосватаны. Как-то раз юноша пришел к своей девушке и застал ее за работой – она мазала земляной пол веранды особой серой глиной. Жених начал с ней шутить. Девушка очень рассердилась. Она бросила ему в лицо кусок грязной овчины, которым мазала пол, а сама убежала, превратившись в солнце. Юноша, превратившись в луну, пустился в погоню за ней. До сих пор луна не может догнать солнце и наказать его. Пятна, которые видны на луне, это следы глины» (*Гаджиева С.Ш., 1961. С. 329*). Несколько иной вариант этой легенды приводит И.А. Халипаева (*См.: Халипаева И.А., 1994. С. 19*).

«Солнце и Луна в представлениях ногайцев особенно тесно связаны друг с другом. Даже при акте творения они были созданы совершенно одинаковыми, так что их нельзя было отличить одно от другого, и Богу пришлось соскоблить часть света от месяца и прибавить его Солнцу. С тех пор и остались пятна на Луне, а

там, где особенно усердно скоблили, остались морщины» (См.: *Ярлыкапов А.А., 1999. Л. 48; см. также: Гимбатова М.Б., 2005. С. 106*).

«Этиологические мифы, объясняющие яркость и жгучесть солнечных лучей для глаз человека, а также наличие пятен на лице луны у дагестанских азербайджанцев многообразны. Солнце будто бы сказало: «Я такое красивое, и чтобы меня не сглазили, я поднимусь высоко-высоко и буду колоть иглами в глаза тех, кто будет на меня смотреть» (с. Дарваг). Сестра солнца из зависти воткнула в него иголки, поэтому и невозможно смотреть на солнце (с. Зиль). Раньше луна светила ярче солнца. Завистливое солнце обмазало луну грязью, из-за чего на ней образовались пятна и светит она тускло (с. Арак). Солнце обмазало луну грязью, чтобы ее не сглазили и лица не было видно, поэтому она светит тускло (с. Дарваг). Луна (брат) якобы сказала солнцу (сестре): «Ты выходи светить после меня днем, так как ночью можешь испугаться. Однако солнце хотело выходить светить перед братом и, обидевшись, обмазало луну куском овчины, выпачканной черным мелом – отсюда и пятна на лице луны (с. Цанак). У луны (брата) была сестра, которая из зависти, что солнце (девушка) влюблена в ее брата, заляпала его грязью (с. Зиль). Раньше луна и солнце были одним светилом. Архангел Джабраил махнул крылом и разделил их надвое, чтобы солнце светило днем, а луна – ночью. Пятна на луне – это отпечаток от крыла архангела Джабраила (с. Ерси). Пятна на луне – это силуэт Бога, а свет, исходящий от луны, – это свет от лампы Всевышнего (с. Цанак)» (*Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96*).

Аналогичные дагестанским мифы бытовали и у родственных вайнахов и абхазо-адыгских народов. Так, в соответствии с верованиями чеченцев и ингушей, «черное пятно посередине луны – это лошадь, которую носит на себе луна» (*Далгат Б.К., 2004. С. 162*). «Темные пятна на луне адыги отождествляли с фигурой чабана с отарой овец» (*Шортанов А.Т., 1982. С. 32*). Подобное отождествление было присуще и абхазам: «Пятна на луне объясняются так: это нарт Сасрыква со своим стадом» (*Чурсин Г.Ф., 1957. С. 149*). По другой версии, «какой-то пастух бросил вверх коровий помет, который попал на луну. Темные пятна на луне есть этот коровий помет, рассыпавшийся по луне» (*Чурсин Г.Ф., 1957. С. 149*). У абхазов была в ходу и сказка, объясняющая пятна на луне (См.: *Джанашиа Н.С., 1960. С. 30*).

По сванскому преданию, «Солнце и Луна являются братьями, которые соревнуются в том, кто из них раньше проснется. Солнце просыпается раньше Луны, а их мать, разгневавшись на заспавшуюся Луну, дает ей оплеуху измазанной в тесте рукой. От этого якобы на Луне появились пятна» (*Сихарулидзе К., 1972. С. 151*).

Подводя итог многочисленным мифам, легендам, преданиям и сказкам, объясняющим причину образования пятен на луне, порядка и очередности пребывания светил на небосклоне, почему невозможно смотреть на солнце и почему солнце светит ярко, а луна тускло, следует отметить их однотипность, повторяющийся в большинстве случаев незамысловатый сюжет. В основе большинства мифов лежит конфликтная ситуация, возникающая из-за спора между солнцем и луной о том, кто из них красивее и кому когда светить – днем или ночью.

Обращают на себя внимание и явные антропоморфизм и антропатизм солнца и луны: в мифах, легендах и преданиях они представлены в человеческом облике, наделены чертами характера людей (влюбляются друг в друга, ревнуют, завидуют, спорят, дерутся), заняты трудовой деятельностью (например, обмазкой глиной пола и побелкой стен).

В некоторых мифах (у табасаранцев и дагестанских азербайджанцев), где фигурирует архангел Джабраил, чувствуется влияние ислама. В мифах абхазо-адыгских народов ощущается влияние нартского эпоса, а также одного из видов их хозяйственной деятельности – скотоводства.

Относительно причин образования пятен на луне имеются разные объяснения: это след от удара куска перепачканной овчины, которой белят стены (аварцы-хунзахцы, табасаранцы, кумыки, дагестанские азербайджанцы), след от мокрого куска овчины (лезгины), след от тряпки, которой мыли посуду (агулы), от плевка (рутулы), от удара половником (рутулы), от пощечины (лезгины), от оплеухи измазанной в тесте руки (сваны), от соскоба (ногайцы), от крыла архангела Джабраила (табасаранцы, дагестанские азербайджанцы), это раны, полученные в битве между космическими богами (табасаранцы), от того, что в нее кинули кусок глины (аварцы-андалальцы, кумыки), ком земли (даргинцы-цудахарцы), комок грязи (лакцы), бросили в нее грязь (аварцы-тляратинцы, даргинцы-урахинцы), заляпали грязью (дагестанские азербайджанцы), обмазали грязью (дагестанские азербайджанцы), это коровий помет, рассыпавшийся по луне (абхазы), это фигура чабана с отарой овец (адыги), это нарт Сасрыква со своим стадом (абхазы), это лошадь, которую носит на себе луна (чеченцы и ингуши), это силуэт Бога (дагестанские азербайджанцы).

Затмения солнца и луны, не объяснимые в то время с научной точки зрения, вызывали в народе страх, панику и воспринимались как бедствие. «Древние люди, обожествлявшие это светило и обоснованно считавшие его подателем всяческих благ, настолько привыкли к жизни под Солнцем, что такое безобидное, хотя и редкое природное явление, как солнечное затмение, приводило их в неопишущий ужас. Перепуганным людям казалось, что затмение солнца предвещает ужасные беды, а то и вселенскую катастрофу, грядущий конец света. Неудивительно поэтому, что затмение стало символом несчастья и самым дурным предзнаменованием... Затмение луны вызывало суеверный ужас у людей, объяснявших это явление нападением на ночное светило злобных небесных существ: драконов, демонов, вампиров или ведьм» (Вовк О.В., 2005. С. 59, 62).

Затмения светил породили этиологические мифы, объясняющие это астрономическое явление злокозненными действиями демонических сил, а также иррациональные приемы и методы, направленные и призванные «освободить» солнце и луну из плена. Такие мифы и приемы существовали у большинства народов Дагестана и Северного Кавказа. Так, например, «затмения солнца и луны аварцы-гинухцы связывали с действием *Хъвед* – невидимой, вездесущей, всеокрушающей силы, не имевшей телесной субстанции. Считалось, что бог в наказание людям за грехи посылает эту грозную силу, которая съедает светила. Гинухцы боялись затмения солнца и луны, с которыми связывались всякие беды: войны, засуха, мор, падеж скота и т.д. С целью напугать *Хъвед* стреляли из ружей, стучали в медную посуду, кричали, читали молитвы, раздавали «цIадакъа» (жертвоприношение в виде мяса, хлеба и проч.), чтобы задобрить бога, который мог отозвать эту силу» (Ризаханова М.Ш., 2006. С. 157).

Вера в то, что затмение солнца предвещало войны и прочие общественные и природные катаклизмы, имела и у аварцев-гидатлинцев (См.: Сефербеков Р.И., 2004. № 17. С. 70). Верования, связанные с затмениями солнца и луны и их возможными последствиями, зафиксировал у дагестанцев П. Пржецлавский. Он писал, что затмение луны, по представлениям горцев, знаменовало собой «падеж

скота и неурожай», а затмение солнца – «предстоящую войну, смертность, голод, падеж скота или кончину одного из великих монархов» (*Пржецлавский П., 1860. № 4. С. 305*).

Интересный обычай в этой связи существовал у аварцев-андалальцев с Наказух. Во время затмения солнца, а также при проведении обряда вызывания солнца женщина, обнажив грудь, воздев руки к небу, заклинала:

Бакъальул бетІергъан,
Бакъ къватІибе биче!

Хозяин солнца,
Выпусти солнце! (*Любезное сообщение соискателя Института ИАЭ ДНЦ РАН
З.А. Алигаджиевой*)

Как указывалось ранее, в мифологии лакцев божеством, персонификацией солнца был *Барг*, который имел облик прекрасного юноши, излучавшего ослепительный свет. Согласно мифологическим представлениям лакцев, «*Барг* выходит из моря и заходит в него. Его заглатывает морское чудовище *Куртма*; спасает и возвращает на небо бог *Зал*» (*Халилов Х.М., 1994. Т. 1. С. 162*). Особенно большой страх у лакцев в прошлом, как и у других дагестанцев, вызывало затмение луны. Вот как описывает в середине XIX в. затмение луны А. Омаров: «Как только затмилась Луна, весь народ, перепуганный, высыпал на дворы и улицы, а муллы появились на крышах мечетей и призывали жителей на молитву. Я тоже вышел на крышу и посмотрел на Луну, которая была до половины кровавого цвета. Признаться, мною овладел страх и мысли мои были заняты все время молитвами... Между тем вокруг мечети собралась толпа, преимущественно старух, и почти каждая из них кричала: «Аллах, Аллах! Прости нас грешных» (*Омаров А., 1868. Вып. 1. С. 45*). Лезгины и кумыки объясняли происхождение затмений солнца и луны тем, что якобы архангел *Джабраил* закрывает их своих крылом от людей в наказание за грехи (*См.: Халипаева И.А., 1994. С. 21; Ризаханова М.Ш., 2005. С. 293*). Агулы и табасаранцы считали, что затмения происходят тогда, когда луна или солнце «обижаются» на людей, а рутульцы – тем, что светила сдвинулись со своих орбит (*Булатова А.Г., 1999. С. 13*).

Мифологические представления о затмении луны у ногайцев связаны с единоборством демонического существа *Елмауз* (*Елмавыз*) – символа прожорливости – и юноши-пастуха с отарой и собакой, которые, согласно легенде, вознеслись на луну. *Елмауз* «периодически нападает на луну и хочет ее проглотить. Когда он начинает своей тенью закрывать луну, собака пастуха чует его и поднимает вой. При затмениях ногайцы создавали на земле всяческий шум, думая, что тем самым они тревожат *Елмауза* и помогают победить это чудовище» (*Керейтов Р.Х., 1988. С. 129-130*). Аналогичные верования бытовали у балкарцев и карачаевцев. По их мнению, «затмения солнца и луны происходят из-за того, что их пытается проглотить чудовище – дракон *Желмаууз*. Люди стреляли в небо, били в тазы, кричали, разводили костры, чтобы отогнать *Желмаууза* прочь и разбудить небесных стражей» (*Малкондуев Х.Х., 1988. С. 36*). Балкарцы и карачаевцы исполняли особые песни-заговоры при новолунии, затмении солнца и луны (*См.: Малкондуев Х.Х., 1989. С. 97*).

Необходимо отметить, что прием произведения всяческого шума с целью напугать и прогнать то, что закрыло светила, был распространен повсеместно в Дагестане. Для того чтобы светила вышли из затмения (их «отпустило»), молились

Аллаху и калялись в грехах, стреляли из ружей в небо, били в медную посуду и железные предметы, выкидывали на крышу белое полотенце, рубили пополам серебряные монеты (Халипаева И.А., 1994. С. 21; Булатова А.Г., 1999. С. 13; Сефербеков Р.И., 2000. С. 7-8).

Сходные этиологические мифы, объясняющие причину затмений солнца и луны, имелись также у вайнахов и абхазо-адыгских народов. Так, в соответствии с верованиями ингушей, «когда люди начинают забывать Бога, он посылает затмение... По другому народному преданию: сестра гоняется за братом и заслоняет луну» (Ахриев Ч., 1875. Вып. 8. С. 11). Более обстоятельную картину верований чеченцев и ингушей относительно затмений солнца и луны дал известный этнограф-кавказовед Б.К. Далгат. Он писал: «Хотя Солнце и Луна от разных матерей, но они считаются братьями. У них есть злая сестра *Мож*, которая сожрала всех своих родственников на небе и теперь постоянно гоняется за Солнцем и Луною. Когда она догоняет их и заслоняет собою, происходит затмение. *Мож* отпускает Луну и Солнце только в том случае, если ее будет просить перворожденная невинная девушка. Во время затмения на Луне виднеется что-то вроде черной нитки: это, говорят, - ружье караульщика, который оберегает Луну от нападения сестры» (Далгат Б.К., 2004. С. 163-164).

В адыгской мифологии солнце и луна считаются братом и сестрой или братьями, и когда они обнимаются при встрече, происходит затмение (Шортанов А.Т., 1982. С. 30-31). «Солнечное затмение адыги встречали со страхом. В народе было поверье, что чудовище – «*благо*» (дракон) схватывает солнце или луну, чтобы проглотить их. Во время затмения устраивалось шествие по селу, в котором участвовали все его жители. Желая освободить солнце или луну из плена, стреляли в небо, били в барабаны, о железные предметы, в котлы и ведра, кричали, угрожали дракону всевозможными жестами, молились и причитали» (Шортанов А. Т., 1982. С. 34).

По древним космогоническим верованиям абхазов, затмение луны и солнца происходит оттого, что на них нападает их исконный враг, чудовище *атыю*. Это мифическое существо представляется злым, гигантских размеров. Оно постоянно гонится за луной или солнцем, чтобы проглотить их. *Атыю* – враг людей, так как съедением (проглатыванием) небесных светил оно хочет напустить на мир вечную темноту (Зухба С.Л., 1995. С. 46).

По сведениям Н.С. Джанашиа, *атыю* – это не дракон, а огромная птица сова. Она постоянно в погоне за луной, хочет ее поймать и проглотить, чтобы в мире наступила вечная темнота. Но люди зорко следят за небесными светилами, особенно за луной, чтобы не дать злой сове возможность достичь своей цели. Как только заметят затмение луны, люди начинают стрелять в ту сторону, чтобы напугать и отогнать сову (Джанашиа Н.С., 1960. С. 124).

По описанию Г.Ф. Чурсина, затмение происходит оттого, что чудовище набрасывается и хочет проглотить луну. В это время абхазы открывали усиленную пальбу. Считалось, что в чудовище попадает одна пуля из ста. Если таким способом не прогнать чудовище, оно проглотит луну и обглоданная луна сорвется с небесного свода и упадет (Чурсин Г.Ф., 1957. С. 154).

В мифологии осетин имелась вера в существа (в виде волков), вызывающие лунные и солнечные затмения – *Майхорта* (букв. «пожиратели луны») и *Хурхорта* (букв. «пожиратели солнца») (Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н., 2000. С. 74, 77).

Таким образом, анализируя этиологические мифы, объясняющие затмения солнца и луны, можно отметить определенное сходство мифологических персонажей, сюжетов, функций у дагестанцев и северокавказских этносов: у аварцев-гинухцев невидимая, вездесущая и всеокрушающая сила *Хъвед* съедает светила; у лакцев морское чудовище *Куртма* заглатывает солнце *Барг*; у ногайцев, балкарцев и карачаевцев демоническое существо (дракон) *Елмауз* (*Желмаууз*) хочет (пытается) проглотить луну и солнце; у чеченцев и ингушей злая сестра солнца и луны *Мож*, которая сожрала всех своих родственников на небе, гоняется за светилами, догоняет их и заслоняет собой; у адыгов чудовище *благо* (дракон) схватывает солнце или луну, чтобы проглотить их; у абхазов чудовище (дракон, огромная сова) *атью* гонится за луной или солнцем, чтобы проглотить их. Как бы подтверждением приведенному могут служить слова исследователя мифологии сибирских народов М.Д. Хлобыстиной, которая писала: «Сцены извечной погони по небу злого начала, существа, стремящегося проглотить движущее Солнце, а с ним и весь мир, вечное преследование и вечное ускользание, вечное возрождение дня после ночи, лета после зимы, приведение к логическому олицетворению сил природы с абстрактными моральными категориями добра и зла, породили яркую образную персонификацию действующих лиц» (*Хлобыстина М.Д., 1971. С. 172-173*).

Интересен обряд аварцев-андалальцев с. Наказух. В словах заклинания этого обряда имеется обращение к *Хозяину солнца* («*Бакъалъул бетГергъан*»), которым, вероятно, было верховное божество.

Выше мы уже приводили высказывания Страбона (*См.: История Агван Мойсея Каганкатвази, 1861. С. 356*) (65 г. до н.э.–21 г. н.э.) о религии и богах населения Кавказской Албании (III в. до н.э.–IX в.). Если верить Страбону, ко времени разложения первобытнообщинного строя с его культом природы и перехода к раннеклассовому обществу, когда начал складываться пантеон во главе с верховным божеством, у албанцев, к которым, без сомнения, относились и предки дагестанских народностей, сложилась следующая иерархия: луна – солнце – верховное божество. С укреплением классовых отношений возрастает роль верховного божества, а светила занимают уже второстепенные места. Эти процессы трансформации с переоценкой роли божеств наиболее наглядно представлены в андийском мифе о творении ландшафта селения Риквани. Содержание мифа дает нам четкую иерархию божеств: верховное божество *ЦЮб* – солнце – *гьалКюнял* (всемогущие) – 12 богинь, повелевающих стихиями (*См.: Агларов М.А., 2002. С. 206-207*).

Наиболее древними и яркими показателями «самосознания, поданного нам через века» (*Марковин В.И., 2006. С. 205*), «в которых вырисовываются религиозные представления древних дагестанцев, обожествление ими сил природы (культы солнца, воды, животных)» (*Котович В., 1994. С. 97*), выступают древние и средневековые писаницы и петроглифы. Пещерные и наскальные рисунки и петроглифы считаются «одним из показателей динамического освоения пространства первобытным человеком» (*Жуковская Н.Л., 1986. С. 127*). Гроты и пещеры, в которых зафиксированы наиболее древние наскальные изображения, были одновременно культовыми местами и святилищами, располагавшимися в труднодоступных, укромных местах в пределах охотничьих угодий тех или иных первобытных коллективов. В таких местах обычно совершались различные культовые и магические обряды, инициации и другие действия. Сюжеты наскальных изображений как правило воспроизводят предания о тотемных предках, связаны с магическими

обрядами плодородия, имевшими целью воспроизводство и приумножение промысловых животных (*Котович В.М., 1976. С. 44-45*).

Изучая стиль обнаруженных писаниц, В.М. Котович делит их на две группы: 1) рисунки, выполненные силуэтом и контуром, и 2) линейные и точечные рисунки. В рисунках первой группы, относимых ею к мезолиту – неолиту, автор видит черты, присущие «реалистическим образам палеолического искусства». Изображения второй группы, более схематичные и условные, могут датироваться эпохой бронзы и раннего железа. Все писаницы В.М. Котович объединяет в четыре цикла: солярный, охотничий, аграрный и всаднический. Солярные изображения характерны для обеих групп так же, как и охотничьи сцены (*Котович В.М., 1971. С. 129*).

Наиболее древние наскальные рисунки (безоаровые козлы, бизоны, муфлоны, козлы, лошади, «синкретичные» звери – «козел - женщина», зубр с лапами кошачьего хищника, солярные и геометрические символы) зафиксированы в гроте Чинна-Хитта (V-II тыс. до н.э.) у с. Согратль и в урочище Чувал-Хвараб-нохо у с. Ругуджа (мезолитическое время) – культовые места, святилища, находящиеся в пределах охотничьих угодий обитателей Чохской стоянки (*Котович В.М., 1984. С. 12-20*).

Древние писаницы, в которых наряду с другими животными изображены козел и олень с древовидными рогами, обрамленными точечными знаками, зафиксированы В.М. Котович в ущелье Виттурзилаву, близ с. Кара и отнесены ею к раннеземледельческой символике (*См.: Котович В.М., 1971. С. 32-41; Она же., 1980. С. 28, 32-33*).

Нами зафиксированы и введены в научный оборот имеющие в том числе и солярную символику наскальные рисунки вблизи табасаранских селений Хурсатиль и Цудук. К югу от с. Хурсатиль в местности «Цару гьарзар» («Пестрые скалы») на стенах и потолке многоярусного грота желтой и красной охрой изображены в обрамлении точечных знаков всадники, сидящие верхом на лошадях и оленях (?), собаки, жеребята, ослы (?), олени, косули, козел со скрещенными рогами и солярные знаки. К западу от с. Хурсатиль на поверхности скалы «Хьюрцлин мугар» («Грачиные гнезда») также желтой, красной и коричневой охрой нанесены наскальные рисунки – «древо мировое», «синкретический зверь», «человечки», всадники, козлы, собаки и солярные знаки. Наскальные рисунки датируются доисламским временем (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 77-78*). Для более точного установления датировки требуется их дополнительное изучение.

К югу от с. Цудук на поверхности двух скальных выходов, а также на скалах и валунах вблизи них ярко-красной и красной охрой изображены фигурки людей в сопровождении собак, олени с ветвистыми рогами, козлы с загнутыми рогами, собаки, солярные знаки и др. Известный археолог М.Г. Гаджиев датировал рисунки (по фотографиям) приблизительно эпохой бронзы (IV–III тыс. до н.э.) (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 83*).

М.И. Исрапилов считает, что наскальные рисунки близ сс. Хурсатиль и Цудук являлись также и древними солнечными и лунными календарями (*См.: Исрапилов М.И., 2003. С. 229-254*).

По мнению А.П. Окладникова и В.Д. Запорожной, «баран и козел в древней солярно-космической мифологии одинаково связаны с солнцем и по существу сливаются в ней друг с другом» (*Окладников А.П., Запорожная В.Д., 1970. Ч. 2. С. 152*). Следует отметить, «что в древности у многих народов Востока изображения козлов, коней и орлов наделялись солярной символикой. Точечные знаки, отме-

чающие изображения одного из таких животных, по-видимому, подчеркивали исходящее от них сияние, их приобщенность к солнцу» (Котович В.М., 1983. С. 7).

Как считает А.Ф. Гольдштейн, «многочисленные фигуры лошадей и всадников среди наскальных изображений в Дагестане происходят не из хозяйственно-бытового, а из культового направления мыслей древних художников: это изображения солнечного божества» (Гольдштейн А.Ф., 1976. С. 137). Эту мысль он развивает и в своих последующих публикациях. «В Дагестане, – пишет А.Ф. Гольдштейн, – можно видеть изображения всадника в наскальных росписях, сделанных три тысячи лет тому назад, и на надмогильных стелах позднего средневековья... Этот всадник – не человек, а бог. Наиболее почитавшийся из пантеона местных языческих божеств – бог солнца» (Гольдштейн А., 1977. С. 193).

Следует отметить, что этот образ фиксируется и на уровне фольклора. Так, согласно аварскому преданию «О всаднике, добывшем людям огонь», бытующему у гидатлинцев сел. Мачада, «первоначально даритель огня представлялся в образе всадника, олицетворяющего солнце» (Халидова М.Р., 2004. С. 31-32).

По мнению А.Ф. Гольдштейна, символом солнечного божества служили бараньи рога (Гольдштейн А.Ф., 1976. С. 136).

Изображения коней в наскальных рисунках тесно связаны с культом солнца и широко распространены на Кавказе и за его пределами, что подтверждается данными археологии, этнографии и фольклора (См.: Куфтин Б.А., 1950. Т. 2. С. 200-218; Техов Б.В., 1977. С. 136-137, 172; Потанов Л.П., 1977. С. 164-178; Кузьмина Е.Е., 1977. С. 96-119; Маммаев М.М., 1989. С. 35-40).

Образ коня в идеологических представлениях древнего населения Дагестана был тесно «связан с культом солнца, выступая его олицетворением и ассоциировался с символом плодородия» (Маммаев М.М., 1984. С. 34).

В этом отношении представляет интерес бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада, выполненный в форме коня, на спине которого расположена высокая раструбовидная горловина. Возможно, этот сосуд являлся сакральным предметом, использовавшимся при ритуальных действиях и церемониях, связанных с культом солнца и культом плодородия (Гаджиев М.С., 1990. С. 57).

Говоря о погребальном инвентаре и символике, связанной с солнцем и солнечным божеством, нельзя не отметить изображения на бронзовом зеркале, которое было изучено Б.М. Салиховым в числе других находок во время раскопок раннесредневекового Хивского могильника. Это было круглое крупное зеркало диаметром 9 см, с шестью антропоморфными изображениями и с центральной петлей для подвешивания. Каждое изображение передано в виде длинных изогнутых бровей, выпуклых глаз, прямого носа и рта. Все они заключены в круг в виде валика и несут в себе солярную символику и являются изображениями, видимо, солнечного божества, которое в пантеоне многих народов занимало одно из главных мест.

Подобные зеркала встречались в памятниках позднеалбанского и раннесредневекового времени (Паласа-сырт, Карабудахкент, Гала, Верхний Чирюрт, Бежта, Урцеки, Ботлих, Буйнакский курган, Хлют), а находка каменной формы на Паласа-сыртском поселении для отливки подобного рода зеркал позволяет говорить о местном производстве таких зеркал. Бронзовые зеркала с солярной символикой, найденные в Хивском могильнике, датируются концом IV – началом V века н.э. и являются изделиями бронзолитейного производства Дагестана. Этому не противоречит и семантика изображений на них. Подобные изображения были встречены на бронзовых предметах Верхнего Чирюрта, Бежта, Калкни и других памятни-

ках Дагестана. Зеркала с центральной петлей распространяются на Северном Кавказе со второй половины II в. н.э. и бытуют здесь до начала II тысячелетия н.э. (Салихов Б.М., 1988. С. 58)

Нельзя не обратить внимание и на одну важную особенность дагестанских наскальных рисунков: они выполнены только на скалах, имеющих строго определенную ориентацию по восходу и заходу солнца. В настоящее время уже твердо доказано, что доисторическая астрономия не вымысел, а действительно занимает определенное место в хронологии цивилизации человечества. Исследование дагестанских наскальных рисунков убедительно показало правоту того, что эти полотна на самом деле были древнейшими солнечными календарями, обсерваториями, а отдельные наиболее поздние – одновременно и часами (Исрапилов М.И., 2003. С.3, 4, 7, 11, 13; См. также: 1993).

С древнейших времен небесные светила «были всегда самыми доступными ориентирами во времени, выполняя эту миссию дифференцировано: по Луне определяли такие небольшие промежутки времени, как месяц, по Солнцу – времена года, год. Наиболее древними календарями человечества являются лунные, исчислявшие время от одного новолуния до другого» (Булатова А.Г., 1999. С. 8).

«Наблюдения на древних святилищах-«обсерваториях» в течение длительного периода давали возможность определить даты сельскохозяйственных работ, время посева и сбора урожая, периоды охоты и предвидеть сезонные изменения холодной и теплой погоды, а, возможно, также наводнения и засухи. Существование солнечного (гражданского) календаря вносило четкий ритм в деятельность общества» (Прокудина В., Розанов М., 2002. С. 323).

Помимо наскальной живописи чрезвычайной многогранностью выражения и множеством характерных оригинальных форм отличалось орнаментальное искусство Дагестана, свидетельствующее о древности традиционного уклада жизни и особенностях мировосприятия народов Страны гор. Среди сюжетных и орнаментальных мотивов, представленных традиционными темами «Древо жизни», «Великая мать», заметное место занимала солярная символика. Солярными знаками (круги, спирали, розетки, кресты, свастики и т.п.) украшались самые разнообразные предметы быта: от архитектурных деталей до мелкой кухонной утвари и рабочего инструмента. В интерьере солярный орнамент покрывал опорные столбы, закрома, лари, сундуки, большие скамьи, кресла, табуретки, поставцы, мерки, солонки, ковры, паласы, переметные сумки и мешки, глиняную и медную посуду и т.д. (Дебилов П.М., 2001. С. 4)

Надо отметить, что культ небесных светил (солнце, луна, звезды) в резьбе по дереву представлен, например, и у грузин Аджарии (См.: Варшаломидзе Дж. С., 1982. С. 147-175).

В орнаментике керамики наиболее ранние солярные знаки зафиксированы на сосудах Великентского комплекса памятников эпохи ранней и средней бронзы. Центральная фигура композиции на великентском сосуде (См.: Дебилов П.М., 2001. С. 132, рис. 3; С. 139, рис. 8б) представлена божеством женского рода. Боковые фигуры – четыре спирали тракуются П.М. Дебиловым как «солнечные спирали», четыре фазы движения Солнца (в восходе, в зените, в закате и в движении под землей) (Дебилов П.М., 2001. С. 9).

Изображения солнца встречаются также на бляхах из поселений Урцеки (VII–IV вв. до н.э.) и Верхний Чирюрт (V–VI вв.), литом бронзовом зеркале из Верхне-

чирюртовского могильника IV–V вв. (*Дебиров П.М., 2001. С. 137, рис. 7 в, г; С. 146, рис. 13а*)

Разбирая семантику многочастной композиции настенного изображения (XVII в.) на камне из гидатлинского селения Мачада, где солярные знаки (круги) дополняют изображения креста, выступая в едином смысловом контексте, П.М. Дебиров писал: «Относительно символики перечисленных фигур можно отметить, что круги с радиальными лучами являются общеизвестными солярными знаками, а их иконография восходит к изображениям Солнца среди наскальных рисунков энеолитического времени. Как пережитки языческих оберегов воспринимались солярные символы в позднем средневековье. В них видели магический, ограждающий смысл. Семантически с ними совпадали и свастико-спиральные схемы. В основе последних лежит свастическая фигура, наиболее ранний образец которой обнаружен среди мезолитических изображений на скале Чуял-Хвараб-Нохо (вблизи аула Чох Гунибского района)» (*Дебиров П.М., 2001. С. 35*). Изображения солнца помимо Чуял-Хвараб-Нохо зафиксированы также в наскальных изображениях Чина-Хетта-Нохо (вблизи хутора Чина-Хетта Гунибского района) (*Дебиров П.М., 1959. Т. 6. С. 223-225, рис. 17, 18*).

Орнаментом в Дагестане в средневековье покрывали и надмогильные стелы. На это обратил внимание А.Ф. Гольдштейн. Он, в частности, писал: «Надмогильные памятники XVII–XVIII вв. сплошь покрыты резьбой, которая в XIX в. становится более измельченной и усложненной. Помимо орнаментации и надписей, сплошным ковром покрывающих лицевую (а в поздних примерах и тыльную) сторону стелы, на них, как правило, изображают розетку – древний языческий символ солнца» (*Гольдштейн А.Ф., 1976. С. 135*).

В наибольшей степени солярные знаки свойственны средневековым культовым сооружениям и надмогильным памятникам Табасарана. Некоторые из них были изучены и описаны нами. Считаю необходимым привести описание некоторых наиболее показательных памятников.

На окраине с. Атрик находится культовое сооружение «Ахлихъ» («У жернова»). На лицевой стороне каменной глыбы изображен солярный знак – ромб, соединяющийся с розеткой (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 9-10*). Аналогичное культовое сооружение «Чехтиль» близ с. Вертиль, названное П.М. Дебировым «летней мечетью», датируется им XIII–XIV вв. (*См.: Дебиров П.М., 2001. С. 231*)

На заброшенном мусульманском средневековом кладбище поселения «Аьхи Чилихъ», расположенном на вершине высокой горы в 5 км к северу от с. Атрик, обращают на себя внимание три стелы. На первой изображены бараньи рога и имеется надпись арабским шрифтом, датируемая А.Р. Шихсаидовым приблизительно XIII в. На второй в обрамлении орнамента «плетенка» и солярных знаков весьма схематично изображена фигура человека, на лице которого нарисована пятиконечная звезда. На третьей стеле также в обрамлении солярных знаков и зигзагообразных линий (по периметру) изображен человек. На голове его имеется украшение наподобие русского кокошника, концы которого заканчиваются кольцеобразными серьгами. Фигура человека выполнена весьма схематично. Подчеркнуты мужские половые признаки. Возможно, данный рисунок человека на исламском надмогильном памятнике является иконографией бывшего языческого (вероятно, андрогинного) божества, связанного с солярным культом (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 11-12*).

На заброшенном раннемусульманском кладбище, которое находится на северо-западной окраине с. Вертиль, обращают на себя внимание три антропоморфных (четко различаются «голова», «плечи», «руки») надмогильных памятника, установленные на могилах якобы трех братьев – Анана, Манана, Мусанана. Лицевая и оборотная сторона памятников украшены геометрическим орнаментом и солярными знаками (крест в круге) (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 19-20*). Имея в виду семантику этого знака, зафиксированного еще у древних земледельцев энеолита, Б.А. Рыбаков писал: «Крест помещали внутри солнечного круга, чтобы обозначить повсеместность его света, распространявшегося во все стороны. Этих сторон было четыре» (*Рыбаков Б.А., 1987. С. 550*). На памятнике имеются и надписи арабским шрифтом почерком куфи, датируемые А.Р. Шихсаидовым X–XII вв. Аналогичные антропоморфные памятники с солярной символикой зафиксированы нами в селениях Кувиг, Яргиль, Урга и Чувек (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 45, 67, 96, 113-114*), а также П.М. Дебировым в с. Джулии (XI–XII вв.) (*См.: Дебиров П.М., 2001. С. 231*).

На лицевой стороне одной из плит культового сооружения «Праздничные камни» («Машкврин гъванар»), расположенных в 2 км к северо-западу от с. Ничрас, изображены солярные знаки: большой concentрический круг, а над ним 4 маленькие свастики и розетки (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 52*).

Солярный знак (крест внутри ромба) изображен на лицевой стороне другого «Праздничного камня», расположенного на вершине горы в 2 км к югу от с. Тураг. Формула единобожия на раннем куфи, имеющаяся на этом камне, позволила А.Р. Шихсаидову датировать его X–XI вв. (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 65*)

На кладбище с. Чулак находится надмогильный памятник, на лицевой стороне которого имеется большой солярный знак (шестиконечный крест в круге). Ниже солярного знака схематично изображен человек. Справа от головы этого человека изображено солнце (наподобие детского рисунка), слева – крест (*Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф., 2003. С. 98-99*).

Солярные мотивы присутствовали и на украшениях, главным образом металлических (серебряных), носимых отдельно и нашиваемых на женскую одежду народов Дагестана (*См.: Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А., 2001. С. 108-129*).

Г.И. Исмаилов, классифицируя даргинскую вышивку на шесть групп, выделяет вышивку с солярной и астральной тематикой (*См.: Исмаилов Г.И., 2005. С. 36*).

Ритуальная символика некоторых хлебных изделий народов Дагестана также связана с солнцем. «Солнечная символика хлеба выражалась и в способах орнаментации хлебных лепешек. Так, у рутульцев один из видов хлеба украшался вдавленным спиральным рисунком, производимым костяшками пальцев, сжатых в кулак. Спираль, как известно, в древнейших орнаментах является солярным знаком. Здесь же можно сказать и о спиралеобразных цахурских хлебцах, которые выпекались ими в начале года...

Необходимо здесь отметить и один из видов агульского хлеба оригинальной формы: от центральной лепешки небольшого размера отходит 12-13 лучей, заключенных в свою очередь в тонкий ободок» (*Булатов А.О., 1990. С. 100-101*).

У табасаранцев на праздник начала весны «Эбелцан» в числе других блюд и видов пищи обязательно пекли блины «гъванжрар» (возможно, усеченное от словосочетания «гъвандин гъуржрар» – «на камнях выпекаемые») (*Сефербеков Р.И., 1995. С. 91*). Известно, что блины – древнейшая форма печеной мучной еды, «древнее, архаичное блюдо, средство насыщения, получившее обрядовое приме-

нение» (*Пронн В.Я., 1963. С. 17*). Приготовление блинов – символов солнца и коллективное поедание их отмечало победу дня над ночью, света над тьмой (*Рыбаков Б.А., 2002. С. 668*). С солярной символикой связывает Б.М. Алимова и табасаранские ритуальные хлебцы «гузани» (*См.: Алимова Б.М., 1987. С. 24*).

Символами солнца являлись также баранки и калачи, использовавшиеся в ритуалах праздника первой борозды у народов Дагестана (*См.: Никольская З.А., 1959. Вып. 7. С. 319; Агларов М.А., 1967. С. 282-283; Чурсин Г.Ф., 1995. С. 76; Сефербеков Р.И., 1998. С. 9-10*). По мнению М.О. Османова, пироги, баранки и калачи на этом празднике несли большую магическую нагрузку. Во-первых, они имели форму солярных знаков, что связано с культом солнца. Во-вторых, вкушая кусочки хлеба, умилостивляли солнце и приобщались к таинству воспроизводства, к духу (божеству) хлеба (*Сефербеков Р.И., 1998. С. 10*).

С солнцем и луной были связаны и определенные табу. Так, у табасаранцев при восходе и заходе солнца нельзя было выполнять какие-либо работы, имеющие отношение к шитью и резанию (с. Яргиль), при заходе солнца не одалживали огня или чего-либо из продуктов, боясь обеднеть (*Сефербеков Р.И., 2000. С. 8*). Схожие представления бытовали и у русских: «С рассветом дня соединяется все благое, все предвещающее жизнь, урожай, прибыль, а с закатом солнца, с ночью – все недоброе: смерть, бесплодие, убыток, несчастье» (*Афанасьев А.Н., 1988. С. 168*).

Даргинцы-цудахарцы при заходе солнца не разрешали спать, так как считали, что в противном случае укоротится жизнь. В это же время закрывали ставни окон и двери, чтобы из дома не ушел «баракат» («достаток») (*Омаров Ш.И., 2007. Л. 169*). Они же, как и агулы, табасаранцы и кумыки (*Булатова А.Г., 1988. С. 12*), в полнолуние запрещали пристально смотреть на луну: «Она – девушка и стесняется, когда ее разглядывают» (*Омаров И.И., Сефербеков Р.И., 1997. С. 214*). Нельзя было смотреть на нее во время отправления естественных надобностей (*Гаджиев Г.А., 1993. С. 96*). Исходя из этических и религиозных соображений, лезгины рекомендовали мочиться, повернувшись спиной к солнцу (*Бадалов А.Ф., 2006. С. 120*). Они же не разрешали детям пускать зеркальцем солнечные зайчики в доме – «это к несчастью» (*Бадалов Ф.А., 2000. С. 60*). Считалось большим грехом показывать пальцем на луну (*Гаджиев Г.А., 1993. С. 96*). Ногайцы объясняли этот запрет тем, что на луне будто бы пасет овец голый юноша. «Видя, как кто-то смотрит на луну и показывает на нее пальцем, он думает, что это его увидели, и стыдится» (*Гимбатова М.Б., 2005. С. 105*). В полнолуние ногайцы не сквернословили и не плевали в ту сторону, где находилась луна (*Ярлыкапов А.А., 1999. Л. 51*).

У аварцев-салатавцев на сушившихся на улице детские вещи не должен был падать лунный свет.

Считалось греховным стрелять в солнце, луну и небо: это расценивалось как стрельба в Аллаха. Впрочем, нарушение табу допускалось в неординарных ситуациях: на праздниках, отмечаемых в день весеннего равноденствия (например, во время праздника «Эбелцан» у табасаранцев), во время свадеб и рождении сына, пожаров и при затмении светил.

Сохранились предания, повествующие о каре за нарушение табу. Так, «рассказывают, что в табасаранском селении Ничрас в прошлом жил некий Урумхан (реальное лицо, умершее в 1940-х гг.), который, как говорят, не верил в Аллаха, стрелял в солнце и луну, в небо во время дождя. Когда ему подошло время помирать, то он, говорят, попросил, чтобы в могилу вместе с ним положили и топор, чтобы было чем обороняться от чертей на том свете. Его просьбу исполнили, но

могилу после похорон не зарыли. Приходят на следующее утро к могиле и видят: в наказание за богохульство и грехи при жизни Бог насадил его на топор вместо топорика (с. Нижний Ярак)» (*Сефербеков Р.И., 2000. С. 8*).

Аналогичный сюжет кары за нарушение табу приведен А.Г. Булатовой и А.О. Булатовым в легенде о возникновении системы из двух озер в Нижнем Кайтаге – «Гигънила ширби», неподалеку от табасаранского селения Гурхун. «Рассказывают, что когда-то очень давно на месте этих озер было два селения. В них жили люди, занимавшиеся неблагоприятными делами, кровосмесительством, и они не только не почитали Солнце и Луну, но и позволяли себе по отношению к ним оскорбительные высказывания и действия: стреляли в них из лука, а самые разнузданные из мужчин хвастливо заявляли, что они, если им вздумается, могут взять эти светила себе в качестве жен. За столь неслыханную дерзость по отношению к своим главным светилам небо наказало этих людей: пучина поглотила их и залила водой...» (*Булатова А.Г., Булатов А.О., 1988. С. 47*).

Имеется и другой вариант легенды «об озере на границе с Табасараном. Некогда на его месте стояло селение Гурхун. Его жители непочтительно отнеслись к луне – они, прицелившись, стреляли в нее. Луна наказала их за это: за одну ночь село стало дном образовавшегося на его месте озера со страшными обитателями» (*Гаджиев Г.А., 1993. С. 98*). Аналогичную легенду об образовании озера Кезеной-Ам у чеченцев приводят Н. Семенов (*См.: Семенов Н., 1895. С. 119-121*) и В.И. Марковин (*См.: Марковин В.И., 1965. С. 7*).

Примечательно, что определенные узловые точки дня (например, закат солнца), месяца (новолуние, полнолуние) и года (летнее и зимнее солнцестояние) дагестанцы связывали с пребыванием (или возвращением) солнца у своей матери или отца.

Так, при заходе солнца аварцы-гидатлинцы с. Мачада говорили: «Солнце в гости к матери зашло»; «солнце домой зашло» (*Сефербеков Р.И., 2004. № 17. С. 70*). Закат солнца рутулы связывали с возвращением его к матери («вырыгъ нины сухъувкурIа» – «солнце к матери ушло» или «повернулось») (*Мусаев Г.М.-С., 1997. С. 237*).

Лезгины также считали, что на закате «солнце возвращается к матери» («Рагъ дидедал хъфей бере») (*Бадалов Ф.А., 2000. С. 225; 2006. С. 120*). Дагестанские азербайджанцы объясняли закат солнца тем, что «оно пошло отдыхать в объятия матери» («гюн анасынын гойнуна гирди»). О новолунии говорили: «Ай анасынын гойнундан чыхды» («Луна вышла из объятий матери»). Когда луна под утро исчезала, считали, что «она легла в объятия матери» («ай анасынын гойнуна гирди») (*Гаджиева С.Ш., 1999. С. 85*).

По представлениям кумыков, в конце каждого месяца луна обновляется, находясь два дня в утробе матери (*Халипаева И.А., 1994. С. 19*). Даргинцы-харбукуцы считали, что в день летнего солнцестояния «Солнце доходит до своей матери» («БархIи абашшу абиян саби») и может у нее остаться. Для того чтобы этого не случилось, вплоть до 1938 г. проводили «Праздник дохождения Солнца до своей матери», в который готовили любимое блюдо Солнца – «шабши» (варево из злаковых культур). Исполняя обрядовую песню, это блюдо раздавали детям (*Юсупов Х.А., Муталимов М.А., 1997. С. 227-228, 245-246*).

Несколько дней летнего солнцестояния рутульцы объясняли тем, что «Солнце на матери стоит». Смысл этого выражения толковали так: солнце дошло до определенной точки отсчета, которая и считалась «домом» Солнца, где живет его

«мать» (Булатова А.Г., Булатов А.О., 1988. С. 44). Период зимнего солнцестояния рутульцы называли «Виригъ нины сукъувкыра» - «Солнце к матери пришло». Даргинцы-мюрегинцы говорили об этом периоде «БерхИ нешличу арбгИя» («Солнце к матери ушло»), даргинцы-мекегинцы – «БерхИ нешликеб саби» («Солнце на матери находится»), даргинцы-цудахарцы – «Бери нешли гъабегъиб» («Солнце до матери дошло») (Булатова А.Г., Булатов А.О., 1988. С. 44). Цудахарцы с. Куппа во время зимнего солнцестояния считали, что «Солнце на три дня остается у матери». В эти дни не разрешалось расчесывать волосы из боязни, что они поседеют. Существовала примета, что если в эти дни на месте захода солнца найдут овцу, то год будет благодатным, а если волка – голодным и холодным (Омаров Ш.И., 2007. Л. 167).

В самый короткий день зимнего солнцестояния харбукцы говорили: «БархИ ттуттешшишу кабаб саби» («Солнце дошло до отца») (Юсупов Х.А., Муталимов М.А., 1997. С. 228).

Аналогичные представления были зафиксированы Б.К. Далгатом у чеченцев и ингушей. Он писал: «Два раза в году бывает равноденствие: летом и зимою. В это время Солнце гостит дома у своей матери; зимою оно гостит трое суток, а летом три недели. Выйдя из дому, Солнце шесть месяцев путешествует, затем возвращается домой и снова пускается в шестимесячное путешествие. Если почему-либо Солнце запоздает и не восходит, то чеченцы горюют, говоря: «Не будет ли у нас солнечное затмение, или, быть может, его удерживает мать?» (Далгат Б.К., 2004. С. 163).

Дагестанцы особенно большие надежды на исполнение желаний возлагали на новолуние и полнолуние. «Именно в это время рекомендовалось заниматься сельхозработами для получения хорошего урожая, а также начинать важные дела в жизни – гарантировалась удача.

При виде новой луны можно было загадать любое желание с надеждой и уверенностью, что оно сбудется» (Гаджиев Г.А., 1993. С. 96).

Аварцы-годоберинцы «считали, что если при новолунии края лунного серпа отстоят далеко друг от друга, то месяц ожидается счастливым для всех начинаний» (Булатова А.Г., 1999. С. 12).

В соответствии с верованиями аварцев-ботлихцев, «луна днем прячется за семью небесами. Кто увидит молодую луну, того ждет удача, исполнение всех желаний. Ботлихцы приветствовали появление солнца следующими словами: «ВагІалайкум салам ва рахІматуллагъи!». По их мнению, звезды – это друзья луны и солнца» (Алимова Б.М., Магомедов Д.М., 1993. С. 169-170).

«Увидев в первый раз луну в новолуние, даргинцы-цудахарцы, присев на корточки, читали молитву-прошение («балкка»), в которой просили благополучия на предстоящий месяц. При заходе солнца просили, чтобы оно забрало с собой все болезни и невзгоды» (Омаров Ш.И., 2007. Л. 169).

У даргинцев-сюргинцев бытовала примета: если больной увидит отражение новой луны в воде – его болезнь пройдет в течение трех дней. В новолуние же девушки собирали особые растения и клали их перед сном под подушку, чтобы увидеть во сне суженого (Курбанов М.-З.Ю., 2006. С. 177).

У лезгин солнце и луна считались священными. На них молились, к ним обращались за помощью. Особенно действенной считалась мольба к луне в период новолуния. Любой лезгин, увидев новую луну, останавливался и обращался к ней

с какой-либо просьбой (*Ризаханова М.Ш., 2005. С. 239*). Верили, что «если долго смотреть на луну и загадать желание, то оно исполнится» (*Бадалов А.Ф., 2000. С. 56, 144*).

Увидев молодой месяц, ногайцы выражали свое восхищение им, просили у Всевышнего благополучия для своей семьи (*Гимбатова М.Б., 2005. С. 105*).

Вероятно, связаны с солнцем и луной и некоторые самобытные древние танцы. Дж. Купер дал следующую характеристику семантики танца: «Космическая созидательная энергия, трансформация пространства во время, ритм вселенной, имитация божественной «игры» творения, поддержание силы, эмоций, активности. Круговые танцы повторяют движение Солнца в небе и могут, кроме того, закрывать, заключать святое место» (*Купер Дж., 1995. С. 324*).

Круговые танцы, повторяющие движение солнца по небосклону, бытуют до сих пор у некоторых народов Дагестана. Так, например, традиционно на свадьбах у даргинцев-цудахарцев танцевали «Цудахарский танец» («Цудхурла делхъ»), известный также под названием «Круговой танец» («Щирла делхъ»). «Его танцевали обязательно вокруг костра, который одновременно и освещал в ночное время танцующих и зрителей, и грел их в холодную пору (свадьбы проводились в основном поздней осенью и зимой). Как подсказывает название танца, основные движения в нем происходили по кругу, вокруг костра. Первым в танцевальный круг выходил мужчина, но вела танец женщина. Интересны положения рук в танце: одна рука, согнутая в локте, поднята вверх, другая – вытянута в сторону центра круга (костра). Партнеры, двигаясь вперед против хода часовой стрелки, делали один большой круг вокруг костра, затем, не оборачиваясь, – круг назад. Затем движение по кругу возобновлялось. И так троекратно.

На наш взгляд, этот архаический танец имеет глубокую символику, моделируя движение небесных тел в солнечной системе. В танце как бы осмысливалась и передавалась картина мира в движении.

«Танец по кругу» может быть интерпретирован следующим образом: мужчина – планета земля, женщина – луна, костер – солнце; круг большой – вращение земли по орбите вокруг солнца, круг малый – вращение луны по орбите вокруг солнца; руки, обращенные к костру-солнцу, символизируют связь, притяжение небесных тел между собой (*Омаров И.И., Сефербеков Р.И., 1999. С. 14*). «Ход танца, обратный солнцу, снижает доминирование солнца, подчеркивает принцип меры в мироздании» (*Чеснов Я.В., 1992. С. 55*).

Круговые танцы, повторяющие движение небесных тел, и танцы, связанные с культурами солнца и луны, были распространены и у других народов мира (*См.: Краткий словарь танцев, 2006. С. 14, 43, 49, 51, 94, 97, 148, 149, 195*).

Определенные устойчивые словосочетания и выражения дагестанцев связаны с неординарными поступками людей и необычными атмосферными явлениями, в которых фигурирует солнце. Так, при совершении неожиданно доброго поступка человеком, от которого его не ожидали, аварцы-хунзахцы говорили: «Поставьте отметину там, куда не доходят лучи солнца!» («Бакъ шулареб баклалда хлуч хъвай!») (*Сефербеков Р.И., Шигабуудинов Д.М., 2006. С. 47*). Аварцы-андалальцы с. Ругуджа говорили так («Бакъ швеяраб бах глуж гьубуда ккея!») о человеке, который долго не заходил к кому-либо в дом, а потом вдруг появлялся, а также в отношении поступка человека, от которого его не ожидали (*Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. № 19. С. 104*). Дагестанские азербайджанцы говорили в адрес человека, который неожиданно для окружающих совершил добрый посту-

пок и сообщал об этом: «Поэтому и солнце вышло» («Онучун гюн чихди») (с. Цанак) (Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96).

Если при ярком солнце вдруг шел дождь и появилась радуга (с. Гонох), аварцы-хунзахцы говорили: «Лис женится» («Царай чЈужу ячуней йиго» – букв. «Лису жену везут»).

В с. Харахи по этому поводу даже сложили стихи:

БухГун щвараб бакЪалда, В полуденную жару
Царай чЈужу ячуне! Лису жену привезли!
КЪурди, кечЪалда рукЪана. И мы там пели и танцевали (Сефербеков Р.И.,
Шигабудинов Д.М., 2006. С. 47).

Аварцы-андалальцы говорили в таком случае: «Лис женится» (с. Ругуджа), «Лис женится на зайце» (с. Чох), «Волк женится на лисе» (с. Шулани). В с. Бацада так говорили («Заяц женится») при появлении радуги (Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004. № 19. С. 104). Аналогичные устойчивые выражения бытовали и у даргинцев-цудахарцев – «Лису невесту везут» («Ккуртаз цѳикури леркуле сар») (с. Куппа), «Идет лисья свадьба» («Ккуртатала мехъ сабе») (с. Арши) (Омаров Ш.И., 2007. Л. 172). Буркун-даргинцы (Курбанов М.-З.Ю., 2003. Л. 62) и харбукцы (Юсупов Х.А., Муталимов М.А., 1997. С. 231) так говорили («Лис женится»), если при ярком солнце шел дождь и появилась радуга. Дагестанские азербайджанцы в случае, когда при солнце шел дождь, говорили: «Шайтану невесту везут» (Сефербеков Р.И., 2005. № 1. С. 96).

Обожествление солнца и луны, их персонификация, связанные с ними мифы, легенды, поверья и приметы бытовали и у других северокавказцев, и в первую очередь у вайнахов и абхазо-адыгских народов, а также у тюрков и осетин. Так, довольно обстоятельно и подробно они описаны со слов ингушского жреца («цайсаг») Ганыжа у чеченцев и ингушей известным этнографом-кавказоведом Б.К. Далгатом. Он писал: «Чеченцы также высоко чтут Солнце. Составляют мифы о нем и просят благодати. Они считают его добрым божеством. Оно играет большую роль почти во всех празднествах в честь других богов; все молебни обращены у них к Солнцу, на восток; с высоты горы Будур-лам они с благоговением наблюдают ночью, как вдали восходит божественное Солнце, величиною в целый город... Когда оно восходит, все возносят хвалы ему и молят: «Божье Солнце (Дэлä - Молх), принеси нам благодать свою». Луна пользуется меньшим уважением, тем не менее и она, как брат Солнца, считается божеством. Солнце и Луна антропоморфизируются чеченцами. У Солнца и Луны есть матери; мать Солнца, или Малх-нана, зовут Азой, а мать Луны, или Беты-нана, – Кинч.

Солнце, говорят чеченцы, утром выходит из моря и вечером вновь в него погружается; когда оно поднимается над горизонтом, то от него отделяется что-то черное; это, говорит народ, море сливается с солнцем. Это продолжается, пока оно не поднимется сажень на 300 над морем вверх, постепенно накаливаясь и сверкая. В это время на него можно смотреть, потому что, выкупавшись в холодном море, оно не успевает накалиться» (Далгат Б.К. Указ. соч. С. 161-162).

И.А. Дахкильгов приводит текст моления под новый год жреца «богу солнца» – Малх (См.: Зязиков М.М., 2004. С. 137):

Из чрева вышло, из чрева идет.

Озарилась земля и небо.
Золотом блещет сиянием яркий,
С щедротами идущий
О, бог золотой *Малх* (Солнце) !
(*Антология ингушского фольклора, 2003. Т. 1. С. 186*)

Интересно отметить, что Ю.Д. Дешериевым «верховным богом солнца и неба» в древнем языческом пантеоне чеченцев и ингушей назван *Дела* (чечен.) // *Даьла* (инг.), а богиней луны – *Кхинч* (См.: *Дешериев Ю.Д., 1963. С. 70*).

А.Х. Танкиев отмечает, что в мифологических представлениях вайнахов, солнце мыслилось как светило, подчиняющееся воле *Дяла* (См.: *Танкиев А.Х., 1997. С. 39*). Из мифологических персонажей, имеющих какое-нибудь родство с солнцем и луной, он выделяет следующие: *Аза* – богиня, мать солнца, покровительница всего живого; *МаИлха Аза* – богиня, дочь солнца. По преданию, она родилась из луча солнца и является животворящей силой солнечных лучей; *Мож* – злая сестра солнца и луны, которая, по преданию, гоняется за ними по небу и хочет их съесть; *КИинч* – мать луны, покровительница всех мертвых (*Танкиев А.Х., 1997. С. 39*).

В мифологии адыгов покровителем солнца, луны и звезд был *Хъэхъ-Мохъ* (*Хах-Мох*) (*Шортанов А.Т., 1982. С. 162*). Они почитали также божество света и добра *Гобжогош*, которое, «по представлениям адыгов, появляется только ночью, лишь на мгновение, и тут же исчезает. Его появление сопровождается ослепительной вспышкой на небе, лучезарным всплеском ночной темноты. И человек, сумевший уловить этот миг и обратиться к сиянию *Гобжогоша* с любой просьбой, будет счастлив, просьба его будет исполнена небожителями» (*Шортанов А.Т., 1982. С. 41*).

У родственных адыгам абхазов *Айтар* являлся главенствующим среди «семицы» скотоводческих божеств. Он назывался «единым в семи долях». В «семицы» входили среди прочих долевыми божествами *Амза* – покровитель луны, *Амра* – покровитель солнца (*Бжания Ц.Н., 1973. С. 124*).

В языческих религиозных верованиях карачаевцев и балкарцев были известны Бог Солнца *Кайнар* или *Кайырнар*, Мать Солнца *Кюлсюн* и Бог Луны *Айгунайев* (*Каракетов М.Д., 2001. С. 53, 54*).

Довольно богат мифологическими персонажами, связанными с солнцем, осетинский пантеон, восходящий своими корнями к древним пантеонам скифов и алан. Среди них: *Гойтосир* – солнечное божество скифов, соответствующий эллинскому *Аполлону*; *Налы Дзуар* – святой солнца, дарующий мужское потомство; *Сослан* (*Созырыхъо*) – герой нартского эпоса, солнечное божество; *Уастырдж* – бог-посредник *Хуыцау*, старое языческое солнечное божество, покровитель мужчин, путников, воинов, бич воров, мошенников, клятвопреступников, убийц, бог земледелия, провожатый умерших в страну мертвых; *Фыд Иуане* (*Ойнон*) – солнечный бог, с которым связывают колесо *Балсага* – символ светила; *Хуар* (*Аспандиар*) – солнечное божество алан; *Хур* – Солнце, божество в осетинской мифологии; *Хурзарин* (*Хурты Хурзарин*) – солнечное божество, Солнце Солнц золотых (См.: *Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н., 2000. С. 72, 74, 75, 76*).

В весеннем цикле праздников осетин-куртатинцев (Хилакское ущелье) имелся праздник в честь солнечного божества – *Зариноных*, который отмечали в первый вечер после Пасхи (*Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гонобоблев Е.Н., 2000. С. 81*).

Анализируя нартский эпос и, в частности, этимологию слова «нарт», В.И. Абаев писал: «Слово «нара» действительно означает «солнце», но не на осетинском, а на монгольском языке. В этом нет ничего неожиданного. Алано-могольские связи были весьма тесными... Нужно ли говорить, что наименование «Дети солнца» как нельзя лучше подходит к нартским героям» (Абаев В.И., 2000. С. 26).

В древнеславянском пантеоне солнечными божествами были *Сварог*, *Дажьдъбог*, *Хорс* и др. (См.: Нидерле Л., 1956. С. 278-281; Токарев С.А., 1976. С. 207; Иванов В.В., Топоров В.Н., 1994. Т. 2. С. 452)

Богом солнца, дневного света и добра являлся *Дажьдъбог*, подле которого стояли две богини – *Утренняя* и *Вечерняя Зори* (Киреевский И.Р., 2006. С. 48). В древнерусских источниках *Дажьдъбог* // *Дажьбог* «упоминается вместе с *Стрибогом*, олицетворявшим ясное небо. Славяне считали, что *Дажьдъбог* является сыном одного из главных божеств – *Сварога*. Они видели в солнце носителя огромной созидательной силы, от которой зависело их благосостояние. Отсюда и происходит название бога – «дающий людям благополучие». Возможно, именно поэтому *Дажьдъбог* считался покровителем всего русского народа» (Капица Ф.С., 2001. С. 27-28). Идол *Дажьдъбога* стоял на холме в Киеве (Иванов В.В., Топоров В.Н., 1994. Т. 1. С. 347).

«Славянским богом Солнца (как светила) был *Хорс*. Как и *Перун*, *Хорс* считался повелителем молний. Поэтому его представляли в виде всадника, скачущего по небу. По всей вероятности, в этом образе славяне сохранили следы почитания какого-то очень древнего божества» (Капица Ф.С., 2001. С. 52-53).

Интересно отметить, что имеется и иная интерпретация ипостаси и функций этого божества, представленная в образной форме И.Р. Киреевским: «Померкло дневное светило, и вслед за ним появился на Небе дивной красоты Белый Конь. Это *Хорс* – бог Луны и ночного света... Сопровождает путешествующего по небосклону *Хорса* то печальный Месяц – серебряные рожки, золотые ножки, то бледноликая Луна» (Киреевский И.Р., 2006. С. 49).

Помимо приведенных, мифы древних славян донесли до нас образы юного Бога-Божича Молодое Солнце, который златорогим оленем взмывал над Землей, даря ее жителям новую Жизнь (Киреевский И.Р., 2006. С. 21), а также *Ярилы* – бога солнца, плодородия земли и сексуальной силы (Капица Ф.С., 2001. С. 53-54).

По определению А.Н. Афанасьева, славянский корень «Яр» совмещает в себе следующие понятия: «а) весеннего света и теплоты, б) юной, стремительной до неистовства возбужденной силы, в) любовной страсти, похотливости и плодородия: понятия, неразлучные с представлениями весны и ее грозных явлений» (Афанасьев А.Н., 1983. С. 111).

Интересно сопоставить славянское *Ярило* со сходным по названию и функциям лезгинским *Яр* – богом-патроном сельскохозяйственных работ, в честь которого в день весеннего равноденствия устраивали праздник «Яран Сувар» (См.: Гаджиев Г.А., 1984. С. 90). В большинстве сел его отмечали 21-22 марта. «На этот праздник девушки и молодые женщины красили ладони и ногти хной, а детям обоего пола и подросткам, а иногда и взрослым перевязывали запястья рук красной ниткой, чтобы «яр не ударил». Во многих селениях красной тесьмой перевязывали шею и кончик хвоста домашних животных. Носили эту нить или тесьму три первых дня периода «яр» (Булатова А.Г., 1999. С. 143).

Как считает А.Г. Булатова, «по видимому «яр» у лезгин был древним божеством солнца, которое могло погубить людей, не почитавших его, а красная нить-оберег как бы символизировала причастность носящего ее к культуре, почитанию

солнца» (Булатова А.Г., 1999. С. 143; см. также: Булатова А.Г., 1988. С. 25). По мнению Г.А. Гаджиева, «яр» – это название божества-покровителя сельскохозяйственных работ у лезгин (См.: Гаджиев Г.А., 1984. С. 90).

Таким образом, в отношении божества «Яр» мы имеем две точки зрения. По одной из них, «Яр» – древнее лезгинское божество солнца, по другой – патрон сельскохозяйственных работ. Обе точки зрения не противоречат друг другу, а взаимосвязаны, на что указывают исследователи.

Так, В.И. Чичеров, изучая традиционную русскую земледельческую календарную обрядность, писал: «Именно с солнцем и солнечным годом (а не с лунным) в большинстве случаев координируется земледельческая сельскохозяйственная обрядность» (Чичеров В.И., 1957. С. 65). «Будучи более важно для земледельческого хозяйства, солнце обыкновенно больше почиталось земледельческими народами» (Чурсин Г.Ф., 1957. С. 52-53), – отмечал Г.Ф. Чурсин.

О существовании детерминизма между солнцем, климатом и экологией человек обратил внимание еще в древности. Эту зависимость отмечают В. Прокудина и М. Розанов. Они пишут: «Климатические условия являются важнейшим фактором существования и развития человеческого общества. Катастрофические изменения климата, особенно резкие похолодания и засухи, влияли на исторический процесс, поскольку создавались неблагоприятные условия для существования... Известно, что определяющим фактором для климатических изменений на земле является Солнце. С древних времен дневное светило обожествлялось и солнечные боги были главными у разных народов. Движение Солнца по небосводу определяло суточный и годовой циклы деятельности человека, периоды возрождения и увядания в природе» (Прокудина В., Розанов М., 2002. С. 323).

На это указывал и М.И. Шахнович. Он писал: «Первобытный человек угадал связь, существующую между появлением солнца на небосклоне и расцветом растительности на земле. Он понял свою зависимость от климатических изменений, обусловленных действием животворящего солнца. Оно представлялось ему таинственным, и он считал, что мольбами, жертвами сумеет умилоостивить его, поэтому старался различными действиями, обрядами помочь солнцу в его борьбе с холодом. Культ солнца сформировался в условиях зарождения земледелия» (Шахнович М.И., 1971. С. 86).

Выше мы уже приводили, какие понятия воплощались в славянском корне «яр». Надо отметить, что имеются они и в лезгинском языке. Как указывают исследователи, слово «яр» в лезгинском языке имеет несколько значений: «заря», «зарев», «любимый», «возлюбленный» (См.: Гаджиев Г.А., 1984. С. 90), «красный цвет», «весна», «возлюбленная» (См.: Ихилев М.М., 1967. С. 223; См. также: Бадалов Ф.А., 2006. С. 158).

Таким образом, можно отметить сходство по наименованию и функциям славянского бога солнца *Ярилы* и лезгинского божества солнца *Яр*, бывшего также и аграрным богом. Совпадают также по семантике славянский корень «яр» и лезгинское слово «яр».

Мифы, легенды, поверья, приметы и заговоры, связанные с солнцем и луной, были характерны не только для славянской, но и западноевропейской фольклорной традиции (См.: Иванова Ю.В., 1983. С. 105-115; 2006. С. 238-239, 251-253; Энциклопедия суеверий, 1995. С. 245-247, 429).

Мифы о солнце и луне, о смене дня и ночи, объясняющие пятна на луне, были свойственны и народностям Севера. Их описание, например, у нганасан дается

А.А. Поповым. В соответствии с верованиями нганасан, солнце – «*Коу* – исполнитель воли высшего божества-создателя вселенной. Солнце ездит на одной важеньке вокруг земли, говоря: «Детей своих стану обогревать». От дыхания его оленя исходит на землю тепло. Когда оленя отпускают на отдых, тогда наступает полярная ночь.

Китезэ – луна представляет собой висящий круг, на котором обитает *Тисяро* – дух, помогающий роженице. О существовании лунных пятен рассказывают следующее. «В старину жили два знаменитых шамана. Один из них стал хвастать, что поднимется на небо и спустит солнце, другой – что поднимется на небо и спустит луну. Оба они поднялись на небо. Шаман отправившийся к солнцу, сгорел по дороге. Шаман, отправившийся к луне, был притянут ею и прилип к ней. Вот почему на луне и стоит шаман с бубном» (Попов А.А., 1984. С. 47).

Среди персонажей ранней бурятской и монгольской мифологии (добрые силы, охраняющие человека), довольно четко выражающие дуализм, можно отметить Солнце – *Наран*, Луну – *Сара* (*Хара*) и др. (См.: Жуковская Н.Л., 1980. С. 98)

Мифы о поклонении, обожествлении, одушевлении солнца и луны были свойственны многим народам мира. В наибольшей степени это было характерно для египетской мифологии. Египетские сказания о сотворении мира – это почти всегда сказания о сотворении солнца и луны (См.: Матье М.Э., 1956. С. 31-51, 85). В древнеегипетском пантеоне с культом солнца и луны был связан целый ряд божеств. Центральное место среди них занимал *Ра* (*Рэ*), который был богом солнца, странствующим в ладье по небосклону, создатель богов и людей, изображавшийся в виде сокола или человека с головой сокола, в двойной короне Нижнего и Верхнего Египта и с другими атрибутами царской власти (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 201). *Рэ*, солнечный диск, почитался как божество в Древнем Египте уже царями II династии (Антес Р., 1977. С. 79). С *Ра* со временем стали отождествлять *Атума* («Полный», «Совершенный») – бога-творца, который был воплощением заходящего солнца (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 194).

Следует отметить, что для древних египтян, как и для других народов, была свойственна зооморфная модель земли и мира, которая, по мнению И.М. Денисовой, «является одной из самых архаичных и возникла, скорее всего, в палеолите» (Денисова И.М., 2003. № 6. С. 20). Причем одним из наиболее древних и устойчивых, связанным именно с картиной мира, землей, творением у многих народов (Древний Египет, Месопотамия, Индия, племена Африки, Южной Евразии, славяне) был культ коровы / быка (Денисова И.М., 2003. № 6. С. 22). Это подтверждает и М.И. Шахнович. Он писал: «У многих скотоводческих племен Африки небо отождествлялось с коровой. Древние египтяне представляли небо в виде огромной коровы, рождающей золотого теленка – солнце. Шумеры называли планету Меркурий «Гу-уту» (солнечный бык). Древнейшим символом планеты Иштар была корова, а планета Мардук носила название Телец солнца. Старейший индийский бог *Дьяус*, которому поклонялись в Древней Греции как *Зевсу*, в Риме как *Юпитеру*, именуется в Ведах мычащим и разъяренным быком. Санскритское слово «го» означает «корова» и «солнце». Критский *Зевс*, олицетворяющий небо, считался богом быков, а его супруга *Гера* изображалась с коровьей головой» (Шахнович М.И., 1971. С. 88-89).

В соответствии с зооморфной моделью мира в той или иной степени представлены и другие наряду с *Ра* солнечные и лунные божества древнеегипетского пантеона. Так, например, *Мехет Урт* («Великая Корова») была воплощением той

части неба, где солнце восходит и откуда начинается свой каждодневный путь по небосклону. Изображалась в виде коровы, вдоль тела которой плывут две солнечные ладьи (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 197). Связанным с культом солнца был *Мневис* – бык, почитавшийся в Гелиополе (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 198). В виде коровы или женщины с коровьими рогами на голове, меж которых был расположен солнечный диск, изображалась и *Хатхор* («Дом Хора») – богиня неба, любви, веселья, пляски. Она была олицетворением Солнечного Ока (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 206). Одним из самых сложных образов среди египетских богов был *Хор* – бог, изображавшийся в виде сокола, солнечного диска с соколиными крыльями или человека с головой сокола. *Хор* был богом неба, а солнце и луна – его глазами (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 207).

Следует отметить, что представления египтян о том, что солнце и луна – это глаза божеств, приводятся и М.Э. Матье. Он писал, что египтяне «воспринимали солнце в виде огромного глаза то небесного бога, то бога солнечного, сокола или человека с соколиной головой. Иногда солнце мыслилось правым глазом бога, а луна – левым» (Матье М.Э., 1956. С. 45). Примечательно, что и у славян «дневное, озаренное солнцем небо олицетворялось в образе божества, во лбу которого горит единственный глаз» (Афанасьев А.Н., 1988. С. 145-146).

Владыкой Луны, который охранял и спасал ее, возвращая на свое место в небе, у древних египтян считался бог мудрости и счета *Тот*, изображавшийся в антропоморфном облике, а также в виде ибиса и павиана (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 204-205). Отождествлялось с *Тотом* и другое лунное божество – фиванский бог луны, бог-целитель *Хонсу* («Странник»). Он изображался в виде человека или человека с головой сокола или ибиса. На голове он носил лунный диск (Липинская Я., Марциняк М., 1983. С. 207).

Боги солнца и луны имелись в мифологиях и других народов мира. Так, в Шумере богом луны был *Нанна-Син*, а богом солнца – *Уту* (Крамер С.Н., 1977. С. 122, 145). В западносемитской мифологии богом солнца и плодоносящих сил природы являлся *Элагабал // Гелиогабал* (Шифман И.Ш., 1994. Т. 2. С. 659). В пантеоне хаттов, язык которых по фонетике, лексике и грамматике некоторые исследователи относят к языкам древнесеверокавказской семьи, имелись Бог Солнца *eš-tan* и Богиня Луны *Kaška* (См.: Иванов Вяч. Вс., 1985. С. 41, 43). Известно, что хетты заимствовали у предшествовавшего им хаттского населения большую группу божеств, в том числе и свою главную богиню – богиню Солнца города Аринны (Камменхубер А., 1980. С. 29). В иерархии хеттских богов богиня Солнца *Хепат* стояла ниже бога Грозы *Тешуба* (См.: Ардзинба В.Г., 1982. С. 148), что видно из содержания хеттского текста: «Царь стоя кланяется богу Грозы и богу *Уасеццили*, (но) он стоя не кланяется богине Солнца и богу *Мецулле*» (Ардзинба В.Г., 1982. С. 62). У родственных хаттам урартов богом солнца был *Шивини*, символом которого был крылатый солнечный диск, а богом луны являлся *Шеларди*, символом которого был лунный серп (См.: Тер-Саркисянц А., 2005. С. 50).

В индуистской мифологии богом солнца являлся *Сурья*, который изображался то в виде птицы, то в виде коня или быка, то в виде колеса, катящегося по небосводу. С богом солнца был связан *Савитар* (*Побудитель* или *Движущий*). Главный индуистский бог *Вишну* также изображался как солнечное божество. Солнечным богом считался и *Пушан*. Иногда солнце, а иногда свет олицетворял всевидящий и правдолюбивый *Митра* (*Друг*). Он – друг *Варуны*. *Митра* господствовал над миром днем, а *Варуна* – ночью (Мергаутова Э., Мергаут Б., 1969. С. 22-23).

В пантеоне древних иранцев бог договора *Митра* олицетворял солнце (Дрезден М., 1977. С. 350-351; Топоров В.Н., 1994. Т. 2. С. 154-157).

К числу древнейших богов армянского пантеона относился бог Солнца, Грома и Молнии *Ваагн*. По ряду признаков с культом *Ваагна* был тесно связан культ бога небесного света и Солнца *Митра*, образ которого восходит к древнеиранскому *Митре* (Тер-Саркисянц А., 2005. С. 103, 104).

У ацтеков Мексики бог *Тецкатлипока* («Дымящееся зеркало») представлялся олицетворением солнца как губительного, жгучего начала. Атрибутом его было зеркало-щит, символ солнца. Это – жестокое мрачное божество, которое требовало кровавых жертв (Токарев С.А., 1976. С. 239). Интересно отметить, что у древних майя наряду с *Ицтли* или *Тескатлипока* («Дымящееся зеркало») был и бог солнца – *Тонатлиу* (См.: Ершова Г., 2000. С. 387).

В японской мифологии от кровосмесительного союза пары божеств – брата *Идзанаги* // *Идзанаки* и его жены-сестры *Идзанами* на свет рождаются различные божества (Дейл Сондерс Э., 1977. С. 411, 414): «от капель воды, омывших левый глаз *Идзанаки*, является богиня солнца *Аматэрасу*, от воды, омывшей его правый глаз, – бог ночи и луны *Цикуёми*, и, наконец, от воды, омывшей нос *Идзанаки*, является бог ветра и водных просторов *Сусаноо*» (Пинус Е.М., 1994. Т. 1. С. 480).

В греческой мифологии к небесным богам третьего поколения относились *Гелиос* (Солнце) и *Селена* (Луна), а к богам четвертого поколения – *Фаэтон*, сын Солнца (Гусманов И.Г., 2002. С. 53, 125). *Селена* – олицетворение луны – была дочерью титанов *Гипериона* и *Тейи*, сестрой *Гелиоса* и *Эос* (Тахо-Годи А.А., 1994. Т. 2. С. 424). Сыном *Гелиоса* и нимфы *Климены* был *Фаэтон*. Чтобы доказать свое происхождение от *Гелиоса*, *Фаэтон* взялся управлять его солнечной колесницей и погиб, испепеленный огненным жаром, чуть не погубив в страшном пламени землю (Тахо-Годи А.А., 1994. Т. 2. С. 559).

В римской мифологии олимпийским богом, который в период позднеримской античности идентифицировался с солнцем, был *Апполон*. Эпитет *Апполона* – *Феб* указывал на чистоту, блеск, прорицание (Лосев А.Ф., 1994. Т. 1. С. 92, 93). Олицетворением луны, богиней растительности и родовспоможения являлась *Диана* (Штаерман Е.М., 1994. Т. 1. С. 376).

Таким образом, содержание мифов, легенд и преданий, лексика и фразеология, приметы, детские игры, обряды и верования, астральная символика и т.д. убедительно доказывают существование в прошлом у народов Дагестана, Северного Кавказа и мира культа солнца и луны, приведшего к их обожествлению и персонификации в антропоморфном облике (Сефербеков Р.И., Омаров Ш.И., 2007. С. 353).

БИБЛИОГРАФИЯ

Абаев В.И., 2000. Нартовский эпос осетин // Сказания о нартах / Пер. с осет. Ю.Либединского. Владикавказ.

Абакарова Ф.З., 1984. Отражение мифологических воззрений в детском фольклоре народов Дагестана // Мифология народов Дагестана. Махачкала.

Агларов М.А., 1967. Пища // Материальная культура аварцев. Махачкала.

Агларов М.А., 2002. Андийцы: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.

Айдинян Р.М., 1988. Понятие религии и генезис религиозно-мистических представлений // Категории исторических наук. Л.

- Алигаджиева З.А., Сефербеков Р.И., 2004.* К характеристике некоторых мифологических персонажей аварцев-андалальцев // Вестник Дагестанского научно-культурного центра. № 19. Махачкала.
- Алимова Б.М., 1987.* Некоторые представления табасаранцев о народном календаре // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала.
- Алимова Б.М., 1992.* Табасаранцы. XIX–начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Алимова Б.М., Магомедов Д.М., 1993.* Ботлихцы. XIX – начало XX.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Антес Р., 1977.* Мифология в Древнем Египте // Мифологии древнего мира / Пер. с англ., предисл. И.М. Дьяконова: М.
- Антология ингушского фольклора. 2003. / Сост. И.А. Дахкильгов. В. 2-х т. Т. 1. Нальчик.
- Арджинба В.Г., 1982.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М.
- Афанасьев А.Н., 1983.* Древо жизни: Избр. статьи. М.
- Афанасьев А.Н., 1988.* Живая вода и вещее слово. М.
- Ахриев Ч., 1875.* Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. 8. Тифлис.
- Бадалов Ф.А., 2000.* Язычество лезгин. Дербент.
- Бадалов Ф.А., 2006.* Астральная религия лезгин: Космогонические и антропологические представления, пантеон божеств. М.
- Бжания Ц.Н., 1973.* Из истории хозяйства и культуры абхазов (Исследования и материалы). Сухуми.
- Булатов А.О., 1990.* Ритуальная символика некоторых хлебных изделий народов Дагестана // Система питания народов Дагестана (XIX-XX вв.). Махачкала.
- Булатова А.Г., 1988.* Традиционные праздники и обряды народов Горного Дагестана в XIX –нач. XX в. Л.
- Булатова А.Г., Булатов А.О., 1988.* Некоторые религиозные верования и мифологические представления дагестанцев, связанные с календарем // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала.
- Булатова А.Г., 1999.* Сельскохозяйственный календарь и календарные обычаи и обряды народов Дагестана. СПб.
- Булатова А.Г., Гаджиева С.Ш., Сергеева Г.А., 2001.* Одежда народов Дагестана: Историко-этнографический атлас. Пушкино.
- Варшаломидзе Дж.С., 1982.* Резьба и роспись по дереву в Аджарии // Очерки этнографии Аджарии. Тбилиси.
- Вовк О.В., 2005.* Знаки и символы в истории цивилизаций. М.
- Габиев С., 1906.* Лаки. Их прошлое и быт // СМОМПК. Вып. 36. Тифлис.
- Гаджиев Г.А., 1977.* Культ природы и обряды, связанные с производственно-хозяйственной деятельностью у лезгин в прошлом // Хозяйство, материальная культура и быт народов Дагестана в XIX–XX вв. Махачкала.
- Гаджиев Г.А., 1984.* Мифические персонажи и их названия у лезгин // Отраслевая лексика дагестанских языков: Материалы и исследования. Махачкала.
- Гаджиев Г.А., 1993.* Верования и обряды: доисламский период. Махачкала.
- Гаджиев М.С., 1990.* Бронзовый зооморфный сосуд из Шаракунского клада // Памятники древнего искусства Дагестана. Махачкала.
- Гаджиева С.Ш., 1961.* Кумыки: Историко-этнографическое исследование. М.

- Гаджиева С.Ш.*, 1999. Дагестанские азербайджанцы. XIX – нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.
- Гимбатова М.Б.*, 2005. Духовная культура ногайцев в XIX–начале XX в. Махачкала.
- Голан А.*, 1994. Миф и символ. 2-е изд. М.
- Гольдштейн А.Ф.*, 1976. Надмогильные стелы Дагестана // Дагестанское искусствознание. Махачкала.
- Гольдштейн А.*, 1977. Башни в горах. М.
- Гусманов И.Г.*, 2002. Греческая мифология. Боги: Учебное пособие. 3-е изд. М.
- Далгат Б.К.*, 2004. Первобытная религия чеченцев и ингушей. М.
- Далгат У.Б.*, 1972. Героический эпос чеченцев и ингушей: Исследование и тексты. М.
- Дебет златоликий и его друзья: Балкаро-Карачаевский нартский эпос. 1973. Нальчик.
- Дебилов П.М.*, 1959. О художественных образах в народно-декоративном искусстве аварцев (По материалам петрографии) // УЗ ИИЯЛ. Т. 6. Махачкала.
- Дебилов П.М.*, 2001. История орнамента Дагестана: Возникновение и развитие основных мотивов. М.
- Дейл Сондерс Э.*, 1977. Японская мифология // Мифологии древнего мира / Пер. с англ., предисл. *И.М. Дьяконова*. М.
- Денисова И.М.*, 2003. Зооморфная модель мира и ее отголоски в русской народной культуре // ЭО. № 6. М.
- Дешериев Ю.Д.*, 1963. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный.
- Джанашвили М.*, 1892. Абхазия и абхазцы. Тифлис.
- Джанашиа Н.С.*, 1960. Статьи по этнографии Абхазии. Сухуми.
- Дрезден М.*, 1977. Мифология Древнего Ирана // Мифологии древнего мира. М.
- Дьяконов И.М.*, 1990. Архаические мифы Востока и Запада. М.
- Дюмезиль Ж.*, 1976. Осетинский эпос и мифология. М.
- Ершова Г.*, 2000. Фрай Диего Де Ланда. Древние майя: уйти, чтобы вернуться. М.
- Жуковская Н.Л.*, 1980. Бурятская мифология и ее монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. М.
- Жуковская Н.Л.*, 1986. Пространство и время в мировоззрении монголов // Мифы, культы, обряды народов Зарубежной Азии. М.
- Зухба С.Л.*, 1995. Типология абхазской сказочной прозы. Майкоп.
- Зязиков М.М.*, 2004. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.*, 1974. Исследования в области славянских древностей. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.*, 1994. Дажьбог // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Иванов В.В.*, 1994. Лунарные мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. Т. 2. М.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.*, 1994. Славянская мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Иванов В.В.*, 1994. Солярные мифы // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Иванов Вяч. Вс.*, 1985. Об отношении хаттского языка к северозападнокавказским // Древняя Анатолия. М.

- Иванова Ю.В.*, 1983. Следы солярного культа // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М.
- Иванова Ю.В.*, 2006. Албанцы и их соседи. М.
- Ильясов Л.*, 2004. Тени вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. М.
- Исмаилов Г.И.*, 2005. Даргинская вышивка: Уходящие образы старины. Махачкала.
- Исраилов М.И.*, 1993. От Кегера до Стоунхенджа. Махачкала.
- Исраилов М.И.*, 2003. Наскальные рисунки Дагестана и изменения полюсов и наклона оси земли в голоцене. Махачкала.
- История Агван *Мойсея Каганкатваца*, писателя X века. 1861. / Пер. с армян. *К.Патканяна*. СПб.
- Ихилов М.М.*, 1967. Народности лезгинской группы: Этнографическое исследование прошлого и настоящего лезгин, табасаранцев, рутулов, цахуров, агулов. Махачкала.
- Камменхубер А.*, 1980. Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М.
- Капица Ф.С.*, 2001. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: Справочник. 3-е изд. М.
- Каракетов М.Д.*, 2001. Антропология в религиозно-мифологическом мировоззрении карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология, фольклор. М.
- Керейтов Р.Х.*, 1988. Ногайская свадьба // Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии. Черкесск.
- Киреевский И.Р.*, 2006. Мифы древних славян: Боги, духи, растения, животные. Харьков.
- Климов Г.А., Халилов М.Ш.*, 2003. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики / Отв. ред. *Я.Г. Тестелец*. М.
- Ковалева И.И.*, 2007. К вопросу о парных персонификациях в греческой мифологии // Вестник древней истории. № 1. М.
- Котович В.М.*, 1971. Первые итоги изучения древних рисованных наскальных изображений в горном Дагестане // Тезисы докладов, посвященные итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (Археологическая секция). Тбилиси.
- Котович В.М.*, 1971. Опыт классификации древних писаниц Горного Дагестана // Древности Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1976. Древнейшие писаницы горного Дагестана. М.
- Котович В.М.*, 1980. О некоторых верованиях раннеземледельческого населения Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала.
- Котович В.М.*, 1983. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М.
- Котович В.М.*, 1984. Следы тотемических верований в древних изобразительных памятниках Дагестана // Мифология народов Дагестана. Махачкала.
- Котович В.*, 1994. Путешествие в тысячелетия. Махачкала.
- Краммер С.Н.*, 1977. Мифология Шумера и Аккада // Мифологии древнего мира. М.
- Краткий словарь танцев. 2006 / Под ред. *А.В. Филиппова*. М.
- Кузьмина Е.Е.*, 1977. Конь в религии и искусстве саков и скифов // Скифы и сарматы. Киев.

- Купер Дж.*, 1995. Энциклопедия символов. М.
- Курбанов М.-З.Ю.*, 2003 г. Буркун-Дарго. История, культура, быт: прошлое и настоящее // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 897. Л. 62. Махачкала.
- Курбанов М.-З.Ю.*, 2006. Сюргинцы: Историко-этнографическое исследование. XIX–начало XX в. Махачкала.
- Куфтин Б.А.*, 1950. Материалы к археологии Колхиды. В 2-х т. Т. 2. Тбилиси.
- Левинтон Г.А.*, 1994. Инцест // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Липинская Я., Марциняк М.*, 1983. Мифология Древнего Египта / Пер. с польск. *Э.Я. Гессен*, коммент. *О.И. Павловой* и *Н.А. Померанцевой*, пер. и ред. древнеегипетских текстов *О.И. Павловой*. М.
- Лосев А.Ф.*, 1994. Апполон // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Лугуев С.А.*, 1985 г. Ахваццы: Историко-этнографическое исследование (XIX-начало XX в.) // РФ ИИАЭ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 618. Л. 82. Махачкала.
- Лушникова А.*, 2002. О священности севера и левой стороны в мировоззрении индоиранских народов // Астрономия древних обществ: Материалы конференции «Астрономия древних цивилизаций» Европейского общества астрономии в культуре. Москва, 23-27 мая 2000 г. М.
- Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.*, 1989. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири: Человек. Общество. Новосибирск.
- Малкондуев Х.Х.*, 1988. Мифология балкарцев и карачаевцев // Фольклор народов Карачаево-Черкессии. Жанр и образ: Сборник научных трудов. Черкесск.
- Малкондуев Х.Х.*, 1989. Поэзия лечебной магии балкарцев и карачаевцев // Магическая поэзия народов Дагестана. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1984. О семантике сюжета борьбы двух коней на зооморфных пряхках Дагестана VIII-X вв. // Мифология народов Дагестана. Махачкала.
- Маммаев М.М.*, 1989. Декоративно-прикладное искусство Дагестана: истоки и становление. Махачкала.
- Марковин В.И.*, 1965. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.
- Марковин В.И.*, 2006. Наскальные изображения предгорий Дагестана / Отв. ред. *Х.А. Амирханов*. М.
- Матье М.Э.*, 1956. Древнеегипетские мифы / Отв. ред. *В.Д. Бонч-Бруевич*. М.; Л.
- Мергаутова Э., Мергаут Б.*, 1969. От вед к брахманизму // Боги, брахманы, люди / Пер. с чешск. *Л.В. Журавлевой*. М.
- Мусаев Г.М.-С.*, 1997. Ругулы (XIX –нач. XX в.): Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Мусукаев А.И.*, 1992. К истокам фамилии: Предания и легенды. Нальчик.
- Нешина А.Ю.*, 2004. Восточнославянские баллады об инцесте // Русский фольклор: Материалы и исследования. Т. 32. СПб.
- Нидерле Л.*, 1956. Славянские древности. М.
- Никольская З.А.*, 1959. Религиозные представления и земледельческие обряды аварцев (К вопросу о синкретизме религиозных верований аварцев) // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. 7. М.
- Окладников А.П., Запорожная В.Д.*, 1970. Петроглифы Забайкалья. В 2-х ч. Ч. 2. Л.
- Омаров А.*, 1868. Воспоминания муталима // ССКГ. Вып. 1. Тифлис.
- Омаров И.И., Сефербеков Р.И.*, 1997. Аул Куппа: Историко-этнографические очерки. XIX-XX вв. Махачкала.
- Омаров И.И., Сефербеков Р.И.*, 1999. Брак и свадебные обряды даргинцев-цудахарцев сел. Куппа. Махачкала.

- Омаров Ш.И.*, 2007. Быт и духовная культура даргинцев-цудахарцев в конце XIX–нач. XX в.: Дис... канд. ист. наук. Махачкала.
- Пинус Е.М.*, 1994. Идзанаки и Идзанами // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Попов А.А.*, 1984. Нганасаны: Социальное устройство и верования / Отв. ред. Г.Н. Грачева, Ч.М. Таксами. Л.
- Пржецлавский П.*, 1860. Нравы и обычаи в Дагестане // Военный сборник. № 4.
- Прокудина В., Розанов М.*, 2002. Изучение климатических аномалий в XI–XX вв. по дендрохронологическим данным // Астрономия древних обществ.
- Пропп В.Я.*, 1963. Русские аграрные праздники (Опыт историко-этнографического исследования). Л.
- Пропп В.Я.*, 1976. Эдип в свете фольклора // Фольклор и действительность. М.
- Потанов Л.П.*, 1977. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография: Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л.
- Путилов Б.Н.*, 1964. Исторические корни и генезис славянских баллад об инцесте. М.
- Ризаханова М.Ш.*, 2005. Лезгины. XIX–начало XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Ризаханова М.Ш.*, 2006. Гинухцы XIX–нач. XX в.: Историко-этнографическое исследование. Махачкала.
- Ризванов З., Ризванов Р.*, 1990. История лезгин (краткий научно-популярный очерк). Махачкала.
- Ризванов Р.З.*, 1984. Из ономастики лезгин // СЭ. № 5. М.
- Русско-табасаранский словарь. 1988 / Сост. *В.М. Загиров*. Махачкала.
- Рыбаков Б.А.*, 1987. Язычество древней Руси. М.
- Рыбаков Б.А.*, 2002. Язычество Древней Руси. М.
- Рыблов М.А.*, 2007. «Взвейтесь, соколы, орлами»: орнитоморфная символика в восточнославянской воинской традиции // ЭО. № 2. М.
- Салихов Б.М.*, 1988. Новые материалы о ремесленном производстве Южного Дагестана (по данным Хивского могильника IV–V вв.) // Промыслы и ремесла древнего и средневекового Дагестана. Махачкала.
- Семенов Н.*, 1895. Туземцы Северо-Восточного Кавказа (Рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). СПб.
- Сефербеков Р.И.*, 1995. Аграрные культы табасаранцев. Махачкала.
- Сефербеков Р.И.*, 1998. Праздник первой борозды у даргинцев-цудахарцев селения Куппа. Махачкала.
- Сефербеков Р.И.*, 2000. Традиционные религиозные представления табасаранцев (боги и демоны; верования, связанные с животными). Махачкала.
- Сефербеков Р.И.*, 2003. К характеристике некоторых мифологических персонажей аварцев-койсубулинцев // Государство и религия в Дагестане: Информационно-аналитический бюллетень Комитета Правительства РД по делам религий. № 3. Махачкала.
- Сефербеков Р.И., Гашимов М.Ф.*, 2003. Памятники истории и культуры Табасарана. Махачкала.
- Сефербеков Р.И.*, 2004. К характеристике некоторых мифологических персонажей аварцев-гидатлинцев // Вестник Дагестанского научного центра. № 17. Махачкала.

Сефербеков Р.И., 2005. Мифологические персонажи традиционных религиозных представлений азербайджанцев Табасарана // Вестник Института истории, археологии и этнографии. № 1. Махачкала.

Сефербеков Р.И., Шигабудинов Д.М., 2006. Мифологические персонажи традиционных верований аварцев-хунзахцев. Махачкала.

Сефербеков Р.И., Омаров Ш.И., 2007. Мифологические образы солнца и луны в верованиях народов Северного Кавказа // Археология, этнография и фольклористика Кавказа: Материалы международной научной конференции «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 1-5 октября 2007 г. Махачкала.

Сихарулидзе К., 1972. Обрядовая поэзия // Грузинское народное поэтическое творчество. Тбилиси.

Старостин С.А., 1995. Проблема генетического родства и классификации кавказских языков с точки зрения базисной лексики // Алародии (этногенетические исследования). Махачкала.

Тайлор Э.Б., 1989. Первобытная культура /Пер. с англ. Д.А. Корончевского, предисл. и прим. А.И. Першица. М.

Танкиев А.Х., 1997. Духовные башни ингушского народа: Сборник статей и материалов о народной культуре. Саратов.

Тахо-Годи А.А., 1994. Селена // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Тахо-Годи А.А., 1994. Фазтон // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Техов Б.В., 1977. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М.

Тер-Саркисянц А., 2005. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М.

Тменов В.Х., Бесолова Е.Б., Гोनобоблев Е.Н., 2000. Религиозные воззрения осетин (история религии в истории народа): Хрестоматия для учителей и учащихся, преподавателей и студентов средних и высших учебных заведений Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ.

Токарев С.А., 1976. Религия в истории народов мира. Изд. 3-е, испр. и доп. М.

Токарев С.А., 1991. Восточнославянская этнография. М.

Толстой Н.И., 1987. О природе связей бинарных противопоставлений типа правый – левый, мужской – женский // Языки культуры и проблемы переводимости. М.

Топоров В.Н., 1994. Митра // Мифы народов мира. Т. 2. М.

Фрейд З., 1997. Введение в психоанализ: Лекции. СПб.

Хайдаков С.М., 1973. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М.

Халидова М.Р., 1981. Об эволюции мотивов культа близнецов в дагестанском фольклоре // Поэтика фольклора народов Дагестана. Махачкала.

Халидова М.Р., 1988. Формы космогонических представлений и верований в повествовательном фольклоре народов Дагестана // Проблемы мифологии и верований народов Дагестана. Махачкала.

Халидова М.Р., 1992. Мифологический и исторический эпос народов Дагестана. Махачкала.

Халидова М.Р., 2004. Устное народное творчество аварцев / Под ред. Г.Г. Гамзатова. Махачкала.

Халилов Х.М., 1984. Отражение языческих представлений в обрядах и фольклоре лакцев // Мифология народов Дагестана. Махачкала.

- Халилов Х.М.*, 1994. Барг // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. М.
- Халилов Х.М.*, 1994. Барз // Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2-х т. 2-е изд. Т. 1. М.
- Халилов Х.М.*, 2004. Устное народное творчество лакцев / Под. ред. *Г.Г. Гамзатова*. Махачкала.
- Халипаева И.А.*, 1994. Мифологическая проза кумыков: Исследование и тексты. Махачкала.
- Ханагов Л.*, 1892. Некоторые поверья мюрагинцев // СМОМПК. Вып. 13. Тифлис.
- Харузин Н.*, 1905. Этнография: Верования. Вып. IV. СПб.
- Хлобыстина М.Д.*, 1971. Древнейшие южно-сибирские мифы в памятниках Окуневского искусства // Первобытное искусство. Новосибирск.
- Чеснов Я.В.*, 1992. Зикр на площади Свободы // Резюме докладов и выступлений международной конференции «К новым подходам в отечественной этнологии». Грозный.
- Чеснов Я.В.*, 1994. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев // СЭ. № 5. М.
- Чичеров В.И.*, 1957. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков. М.
- Чурсин Г.Ф.*, 1957. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми.
- Чурсин Г.Ф.*, 1995. Авары: Этнографический очерк. 1928 г. / Науч. ред. *Р.И. Сефербеков*. Махачкала.
- Шанаев Д.*, 1871. Нартовские сказания // ССКГ. Вып. 5. Тифлис.
- Шахнович М.И.*, 1971. Первобытная мифология и философия: предыстория философии. Л.
- Шифман И.Ш.*, 1994. Элагабал // Мифы народов мира. Т. 2. М.
- Шортанов А.Т.*, 1982. Адыгская мифология. Нальчик.
- Штаерман Е.М.*, 1994. Диана // Мифы народов мира. Т. 1. М.
- Штернберг Л.Я.*, 1936. Первобытная религия в свете этнографии. Л.
- Энциклопедия суеверий / Сост. *Э. и М.А.Рэдфорд, Е.Миненок*. Пер. с англ. *Д.Гайдук*. 1995. М.
- Эсенов Ч.Д.*, 1998. «Гурджак ойны» – пляска культа плодородия // ЭО. № 2. М.
- Юсупов Х.А., Муталимов М.А.*, 1997. Харбукцы: история и культура. Махачкала.
- Якушенков С.Н.*, 1988. «Вертикальная» экология и семантика пространства в представлениях аймара // Экология американских индейцев и эскимосов. М.
- Ярлыкапов А.А.*, 1999. Ислам у степных ногайцев в XX веке (Историко-этнографическое исследование): Дис...канд. ист. наук. М.